

№ 79

79

2353

кред. 1948г

Л. Д. О. Г. К

ОЧЕРКИ

ПО

УЧЕНИЮ ОБЪ ОБОГАЩЕНИИ

Д. ГРИММА.

Выпускъ первый.

ДЕРЖАТЬ.

Типографія Шнакенбурга.

1891.

Дозволено Цензурою. — Дерптъ, 27. Февраля 1891 г.

Ученіе объ обогащеніи принадлежитъ къ числу самыхъ спорныхъ ученій гражданскаго права.

Для юриста оно представляетъ непосредственный, живой интересъ ввиду существованія какъ въ римскомъ правѣ, такъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ правовыхъ системъ такихъ исковыхъ притязаній, которыя направлены на возвратъ наличнаго обогащенія обогатившагося лица. Другими словами, существуетъ рядъ исковыхъ притязаній, которыя возникаютъ съ того момента, когда лицо обогатилось на чужой счетъ, объемъ которыхъ зависитъ отъ размѣра обогащенія, и которыя прекращаются съ момента прекращенія обогащенія: для этой категоріи притязаній обогащеніе является такимъ образомъ одновременно условіемъ и предѣломъ отвѣтственности обогатившагося лица.

При такомъ положеніи вещей ближайшій анализъ этого явленія имѣетъ интересъ не только теоретическій, но и практическій.

Между тѣмъ, въ цивилистической литературѣ до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, не существуетъ изслѣдованія, которое задалось бы цѣлью

выяснить общую природу и юридическое значеніе обогащенія.

Нашъ первый очеркъ представляетъ собою скромную попытку восполнить до нѣкоторой степени этотъ пробѣлъ.

Мы исходимъ изъ того положенія, что въ ученіи объ обогащеніи необходимо различать два элемента: экономическій и юридическій. — Обогащеніе само по себѣ есть явленіе экономическое; возникновеніе, ростъ, уменьшеніе и прекращеніе его опредѣляется своеобразными законами и не поддается произвольной юридической регламентации. Это экономическое явленіе пріобрѣтаетъ различное юридическое значеніе, смотря по тому, какія обстоятельства сопутствуютъ факту обогащенія: въ однихъ случаяхъ обогащеніе представляется правомѣрнымъ или неотъемлемымъ, въ другихъ — неправомѣрнымъ или отъемлемымъ. — Изъ случаевъ послѣдней категоріи выдѣляются тѣ, въ которыхъ обогащеніе является одновременно условіемъ и предѣломъ отвѣтственности обогатившагося лица. Соответствующія исковыя притязанія мы называемъ исками объ обогащеніи и пытаемся опредѣлить общіе критеріи ихъ.

Такова программа перваго очерка. Остальные будутъ имѣть цѣлью частью развить, частью подкрѣпить общіе выводы, къ которымъ привелъ насъ первый очеркъ.

Такъ, во второмъ очеркѣ — въ примѣненіи къ наиболее важному частному случаю (виндикаціи противъ добросовѣтнаго владѣльца) — разбирается вопросъ о томъ, почему не всѣ исковыя притязанія, подходящія подъ установленныя нами общіе критеріи исковъ объ обогащеніи, ограничиваютъ размѣръ отвѣтственности обогатившагося лица его наличнымъ обогащеніемъ. — Мы объясняемъ это противорѣчіе между теоріей и практикой, (т. е. положительнымъ правомъ), дѣйствіемъ историческихъ причинъ, пользуясь при этомъ данными, какія представляютъ съ одной стороны римское право, съ другой — современныя кодификаціи.

Третій очеркъ коснется вопроса объ объемѣ *condictio indebiti*. — Господствующее мнѣніе высказывается въ пользу ограниченія отвѣтственности добросовѣтнаго кондикціоннаго должника размѣромъ наличнаго его обогащенія. Но за последнее время появился цѣлый рядъ монографій, въ которыхъ доказывается, что отвѣтственность кондикціоннаго должника выходитъ за эти предѣлы. Ввиду такого положенія вещей пересмотръ этого вопроса представляется крайне желательнымъ. — Мы надѣемся доказать, что господствующее мнѣніе въ данномъ случаѣ не только отвѣчаетъ потребностямъ оборота, но и подтверждается данными источниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ разборъ противоположныхъ мнѣній дастъ возможность указать, къ чему приводитъ изслѣдованіе отдѣльныхъ част-

ныхъ вопросовъ безъ предварительнаго изслѣдованія общихъ основаній ученія объ обогащеніи.

Наконецъ, четвертый очеркъ посвященъ разбору версіоннаго иска. Вопросъ о характерѣ и предѣлахъ примѣненія этого иска въ римскомъ правѣ и въ тѣхъ современныхъ кодификаціяхъ, которыя ввели этотъ искъ въ число средствъ судебной защиты, представляется крайне спорнымъ. Въ связи съ разборомъ этого вопроса мы коснемся вопроса о предѣлахъ отъемлемости производнаго обогащенія вообще.

Третій и четвертый очеркъ войдутъ въ составъ втораго выпуска.

I.

ПРИРОДА И ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБОГАЩЕНИЯ.

Глава I.

Обогащеніе какъ экономическое явленіе.

§ 1.

Опредѣленіе и главные виды обогащенія.

I. Всякое обогащеніе представляетъ собою увеличеніе имущества обогатившагося лица. Въ какихъ случаяхъ можно говорить объ увеличеніи имущества лица? Для этого очевидно требуется, чтобъ къ составу его присоединились новыя блага денежной цѣнности безъ выдѣленія соотвѣтствующаго эквивалента: въ такомъ случаѣ образуется тотъ плюсъ, который мы и называемъ обогащеніемъ.

И такъ, обогащеніе въ обширномъ смыслѣ есть всякое увеличеніе имущества лица, являющееся результатомъ присоединенія къ нему новыхъ благъ денежной цѣнности безъ выдѣленія соотвѣтствующаго эквивалента.

Подъ обогащеніе въ этомъ смыслѣ подходитъ какъ обогащеніе одного лица насчетъ другаго, такъ и всякое другое обогащеніе, являющееся результатомъ личной дѣятельности лица или дѣйствія случая, напр. захватъ

никому не принадлежащихъ вещей, новое цѣнное изобрѣтеніе и т. д.

Другими словами, обогащеніе одного лица насчетъ другаго есть лишь одинъ изъ видовъ обогащенія, — правда наиболѣе важный для юриста. Мы назовемъ его обогащеніемъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Настоящая работа посвящена разбору одного только обогащенія въ тѣсномъ смыслѣ.

Ближайшая наша задача состоитъ въ установленіи основныхъ положеній, опредѣляющихъ экономическую природу и юридическое значеніе этого вида обогащенія. Мы разсмотримъ отдѣльно то и другое.

II. Обогащеніе въ тѣсномъ смыслѣ есть увеличеніе имущества одного лица насчетъ имущества другаго лица путемъ перехода благъ денежной цѣнности изъ одного имущества въ другое. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ увеличеніе имущества одного лица предполагаетъ уменьшеніе имущества другаго лица.

Такой переходъ благъ, выгодный для одной стороны и невыгодный для другой, возможенъ въ двухъ формахъ:

1) въ формѣ чистаго обогащенія: потерпѣвшая сторона не получаетъ никакого вознагражденія, никакого эквивалента взамѣнъ того блага, котораго она лишается. Сюда относится, напр. дареніе, отказъ, кража, растрата, уплата недолжнаго и т. д.

2) въ формѣ модифицированнаго обогащенія: происходитъ обмѣнъ благъ, но благъ неравноцѣнныхъ: объективная цѣнность одного блага превы-

шаетъ цѣнность другаго блага. Сюда относятся напр. покупка дорогой вещи за незначительную цѣну, ростовщическій заемъ, наемъ квартиры или аренда имѣнія на условіяхъ ниже нормальныхъ и т. д.

III. Обогащеніе можетъ быть прямымъ или косвеннымъ.

Прямое обогащеніе состоитъ въ самомъ фактѣ присоединенія новаго блага къ составу даннаго имущества, напр. въ безвозмездномъ приобрѣтеніи какойнибудь вещи или какогонибудь требованія и т. д. Прямое обогащеніе даетъ возможность извлекать изъ блага всѣ тѣ выгоды, которыя оно вообще можетъ доставить. — Косвенное обогащеніе заключается въ извлеченіи лицомъ экономическихъ выгодъ изъ даннаго блага, путемъ пользованія имъ, извлеченія плодовъ и возмезднаго (полнаго или неполнаго) отчужденія его, поскольку это благо допускаетъ то или другое. Очевидно, косвенное обогащеніе предполагаетъ наличность прямаго; дѣйствительно, о косвенномъ обогащеніи можно говорить лишь постольку, поскольку лицо пользуется предоставленной ему въ силу прямаго обогащенія возможностью извлекать изъ вещи ту или иную выгоду.

Обогащеніе можетъ быть непосредственнымъ или производнымъ.

Непосредственное обогащеніе есть обогащеніе *inter partes*: благо переходитъ изъ имущества Р въ имущество S, напр. Р даритъ S сумму денегъ.

Производное обогащеніе есть обогащеніе одного лица насчетъ другаго чрезъ посредство третьяго лица; благо переходитъ изъ имущества Р въ имущество S,

а отъ него въ имущество Т, напр. Р даритъ S лошадь, а S отказываетъ ее Т. — Очевидно, обогащеніе Т, производное по отношенію къ Р, является непосредственнымъ по отношенію къ S.

Мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію нѣсколькихъ частныхъ вопросовъ, останавливаясь преимущественно на такихъ, которые представляютъ наибольшій практической интересъ для юриста.

§ 2.

Возникновеніе обогащенія.

Первоначальное обогащеніе всегда есть прямое. Другими словами, обогащеніе всегда возникаетъ въ формѣ прямого обогащенія. При этомъ возможны различныя комбинаціи.

I. Мы разсмотримъ сначала простѣйшій случай — возникновеніе непосредственнаго обогащенія или обогащенія *inter partes*.

Существуютъ четыре основанія возникновенія его: дѣйствія сторонъ, законъ, судебное рѣшеніе и случай.

1) Дѣйствія сторонъ, служація основаніемъ обогащенія одной изъ нихъ насчетъ другой, могутъ быть двоякаго рода:

а) Обогащеніе является результатомъ юридической сдѣлки, заключенной между обогатившимся и потерпѣвшимъ.

При этомъ въ данномъ случаѣ конечно безразлично, желало ли потерпѣвшее лицо, чтобъ противная сторона обогатилась на его счетъ, или нѣтъ, и можетъ ли оно въ послѣднемъ случаѣ принудить обогатившееся лицо къ возврату обогащенія, или нѣтъ. Другими словами, безразлично, имѣется ли на лицо дѣйствительная, недѣйствительная, спорная или предполагаемая юридическая сдѣлка. Сюда относятся: дареніе, распоряженіе на случай смерти, уплата недолжнаго, невыгодная для потерпѣвшаго лица купля-продажа и т. д.

б) Обогащеніе можетъ явиться результатомъ фактическихъ дѣйствій потерпѣвшаго или обогатившагося лица. Въ послѣднемъ отношеніи необходимо различать съ одной стороны случаи, гдѣ обогащеніе является результатомъ правонарушенія (кража, растрата, разбой); съ другой стороны, — случаи, гдѣ обогатившееся лицо дѣйствовало добросовѣстно, (владѣніе *titulo putativo*).

2) Обогащеніе одного лица насчетъ другаго можетъ основываться на спеціальномъ постановленіи закона. Сюда относится, между прочимъ, конфискація всего имущества или части.

3) Судебное рѣшеніе служитъ основаніемъ обогащенія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ судъ по тѣмъ или другимъ основаніямъ постановилъ матеріально неправильное рѣшеніе въ пользу истца, напр. присудилъ съ отвѣтчика неправильно какую нибудь вещь.

4) Наконецъ, и случай (или вѣриѣ-непосредственное дѣйствіе естественныхъ причинъ) можетъ явиться основаніемъ обогащенія. Такъ, напр., силою

стихиі смывается земля съ участка одного порѣчнаго владѣльца и пристааетъ къ участку другаго.

II. Что касается производнаго обогащенія или обогащенія одного лица насчетъ другаго при посредствѣ третьяго лица, то необходимо помнить, что обогащеніе, производное по отношенію къ первоначально потерпѣвшему лицу, вмѣстѣ съ тѣмъ представляется непосредственнымъ по отношенію къ посредствующему лицу.

Другими словами, производное обогащеніе предполагаетъ:

- а) предварительное обогащеніе посредствующаго лица (S) насчетъ первоначально потерпѣвшаго (P), и
- б) послѣдующее обогащеніе третьяго лица (T) насчетъ втораго лица (S).

Ясно, что какъ первоначальное обогащеніе S насчетъ P, такъ и послѣдующее обогащеніе T насчетъ S должно было произойти по одному изъ основаній, изложенныхъ выше, въ п. I; но конечно, основаніе обогащенія S насчетъ P можетъ быть иное, нежели основаніе обогащенія T насчетъ S; напр. S могъ обогатиться насчетъ P на основаніи юридической сдѣлки, а T насчетъ S на основаніи правонарушенія, и т. д.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что число посредствующихъ лицъ можетъ быть большее или меньшее; сущность дѣла отъ этого не измѣняется.

§ 3.

Соотношеніе между размѣромъ обогащенія даннаго лица съ одной стороны, цѣнностью объекта обогащенія и размѣромъ убытка потерпѣвшаго лица съ другой стороны.

Обогащеніе одного лица насчетъ другаго предполагаетъ увеличеніе имущества перваго и уменьшеніе имущества втораго. Спрашивается, существуетъ ли какое нибудь соотвѣтствіе между обѣими этими величинами, — размѣромъ обогащенія одного и убыткомъ другаго?

На первый взглядъ могло бы показаться, что объективная цѣнность блага, служащаго предметомъ обогащенія, одновременно должна была бы выражать собою какъ размѣръ убытка потерпѣвшаго лица, такъ и размѣръ обогащенія противной стороны. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Другими словами, является ли объективная цѣнность блага показателемъ размѣра убытка одной стороны и обогащенія другой?

I. Мы начнемъ съ разсмотрѣнія чистаго обогащенія: одно лицо обогатилось насчетъ другаго безъ уступки съ своей стороны какого бы то ни было эквивалента.

1) Тутъ прежде всего нельзя не замѣтить, что размѣръ убытка потерпѣвшаго лица можетъ значительно превышать объективную цѣнность обогащенія, — напр. лицо подарило часть дорогаго сервиза, стоящаго очень дорого, пока онъ составлялъ одно цѣлое, и значительно потерявшаго въ цѣнѣ послѣ раздробленія;

или у лица украдена вещь, запродавшая под неустойкой, и т. д.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобъ убѣдиться въ томъ, что объективная цѣнность утраченнаго блага сама по себѣ отнюдь не служитъ показателемъ убытка потерпѣвшаго лица.

Конечно, въ данномъ конкретномъ случаѣ возможно, что убытокъ лица ограничивается объективной цѣнностью утраченнаго блага, — но такое совпаденіе будетъ чисто случайное и не можетъ быть возведено въ общее правило.

2) Съ другой стороны объективная цѣнность блага, составляющаго предметъ обогащенія, сама по себѣ не является и мѣриломъ размѣра обогащенія того лица, которому досталось это благо.

Конечно, и здѣсь въ данномъ частномъ случаѣ возможно совпаденіе размѣра обогащенія съ объективной цѣнностью предмета обогащенія, но опять — таки такое совпаденіе будетъ чисто случайное.

Чтобъ полиѣе развить нашу мысль, мы раземотримъ отдѣльно случаи прямого и косвеннаго обогащенія.

а) Поскольку рѣчь идетъ объ одномъ прямомъ обогащеніи, которое заключается въ самомъ фактѣ присоединенія новаго блага къ составу даннаго имущества, — совпаденіе такого рода можетъ встрѣчаться довольно часто; однако и въ такомъ случаѣ оно далеко не составляетъ общаго правила: стоитъ напр. лицу произвести расходъ, прямо или косвенно вызванный фактомъ обогащенія его, и размѣръ послѣдняго ока-

жется ниже объективной цѣнности предмета обогащенія. (Ср. ниже § 5).

б) Еще рѣже такое совпаденіе будетъ имѣть мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается косвеннаго обогащенія. Вопросъ о томъ, имѣется ли таковое на лицо или нѣтъ, уже безусловно не можетъ быть разрѣшенъ на основаніи простаго факта перехода блага въ имущество обогатившагося лица, если даже оставить въ сторонѣ вліяніе, которое оказываютъ на размѣръ обогащенія расходы, сопряженные съ извлеченіемъ тѣхъ или другихъ выгодъ изъ даннаго блага. Дѣйствительно, такой переходъ самъ по себѣ даетъ только возможность лицу обогатиться косвеннымъ путемъ. Другое дѣло, насколько лицо воспользовалось этой возможностью.

а) Въ частности, поскольку обогащеніе заключается въ пользованіи вещью, размѣръ его опредѣляется суммою тѣхъ сбереженій, которыя лицу удалось сдѣлать благодаря этому. Дѣйствительно, на эту именно сумму уменьшилось бы имущество лица, еслибъ оно не обогатилось, и слѣдовательно этою суммою выражается та выгода, которую лицо извлекло изъ пользованія вещью.

Ясно, что эта сумма можетъ и не совпадать съ средней доходностью вещи, — она можетъ быть больше или меньше.

Такъ, напр., если лицу А безвозмездно досталась квартира, средній ежегодный доходъ съ которой равняется 1000 р., и онъ поселился въ ней, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ, живя на этой квартирѣ, ежегодно сберегалъ 1000 руб. Если А до этого вре-

мени жилъ на квартирѣ, за которую ему приходилось платить всего 500 руб., то онъ и сберегъ только эти 500 руб. — Возможно также, что А за прежнюю квартиру платилъ 2000 руб., — въ такомъ случаѣ сумма его сбереженій превышаетъ среднюю доходность новой его квартиры. (О томъ, въ какой степени здѣсь можно говорить объ обогащеніи насчетъ другаго, см. ниже § 4). — Возможно наконецъ, что А не воспользовался предоставленной ему квартирой, — въ такомъ случаѣ очевидно вовсе не можетъ быть рѣчи о косвенномъ обогащеніи.

β) Поскольку обогащеніе заключается въ извлеченіи плодовъ, размѣръ его опредѣляется количествомъ дѣйствительно извлеченныхъ плодовъ, такъ какъ очевидно на эту именно сумму увеличилось первоначальное имущество лица. Это количество опять-таки можетъ не совпадать съ тѣмъ количествомъ плодовъ, какое вообще можетъ быть извлечено изъ данной вещи: оно можетъ быть значительно меньше.

Положимъ, А достался фруктовый садъ, онъ его запустилъ и всѣ деревья пропали, — очевидно здѣсь не можетъ быть рѣчи о косвенномъ обогащеніи. Если тотъ же А далъ пропасть части деревьевъ, то обогащеніе его будетъ меньше, чѣмъ могло бы быть при тщательномъ уходѣ за ними, каковой является условіемъ для извлеченія полного дохода съ сада.

Если Б. доставшіяся ему деньги запираетъ въ денежный ящикъ, то также не получаетъ съ нихъ никакого дохода; если онъ на часть ихъ покупаетъ про-

центныя бумаги, то станетъ получать доходъ только съ этой части, и т. д.

γ) Наконецъ, поскольку обогащеніе заключается въ возмездномъ отчужденіи первоначально доставшагося блага, оно очевидно выражается стопмостью полученнаго взамѣнъ этого блага эквивалента. Нечего и говорить, что стопмость эквивалента можетъ быть выше или ниже стоимости уступленнаго блага.

II. Мы видѣли, что даже при чистомъ обогащеніи объективная цѣнность блага, составляющаго предметъ обогащенія, сама по себѣ не является ни мѣриломъ убытка потерпѣвшаго лица, ни показателемъ размѣра обогащенія противной стороны. Тѣмъ менѣе она можетъ имѣть такое значеніе при обогащеніи модифицированномъ. Это положеніе настолько ясно, что едва ли нуждается въ ближайшемъ подкрѣпленіи.

И такъ, размѣръ обогащенія одного лица насчетъ другаго не можетъ быть опредѣленъ путемъ простаго установленія объективной цѣнности блага, служащаго предметомъ обогащенія, а тѣмъ менѣе путемъ отождествленія его съ размѣромъ убытка потерпѣвшаго лица.

§ 4.

Предѣль обогащенія одного лица насчетъ другаго.

Разобранный нами только что вопросъ о соотношеніи между обогащеніемъ одного лица и убыткомъ

другаго приводить насъ къ другому вопросу, близко соприкасающемуся съ нимъ — о предѣлахъ обогащенія одного лица насчетъ другаго.

Спрашивается, всегда ли все то, что обогатившееся лицо извлекло изъ объекта обогащенія, составляетъ обогащеніе насчетъ другаго лица?

Вопросъ этотъ можетъ быть выраженъ и такъ: всё-ли выгоды, извлеченныя обогатившимся лицомъ изъ даннаго блага, представляютъ собою *lucrum cessans* для лица потерпѣвшаго? Отвѣтъ очевидно долженъ быть данъ отрицательный. — Значеніе *lucrum cessantis* для потерпѣвшаго лица могутъ имѣть только такія выгоды отъ блага, которыя достались бы самому потерпѣвшему, еслибъ благо не было изъято изъ его имущества. Все, выходящее за этотъ предѣлъ, всё тѣ чрезвычайныя выгоды, которыя лицо обогатившееся *ex negotiatione percipit*, не представляютъ собою обогащенія насчетъ другаго лица, — такія выгоды составляютъ премію разсчетливости, предприимчивости и т. д. лица обогатившагося, являются результатомъ чисто индивидуальныхъ моментовъ, словомъ, представляютъ обогащеніе въ обширномъ, но не въ тѣсномъ смыслѣ.

Допустимъ, напр., что А получилъ отъ Б деньги и такъ удачно спекулировалъ ими на биржѣ, что капиталъ въ его рукахъ удесятирился. Очевидно, поскольку его выгода превышаетъ нормальный процентъ, нельзя говорить объ обогащеніи насчетъ потерпѣвшаго лица. То-же придется сказать, если онъ получилъ хлѣбъ и сбылъ его въ какую нибудь дальнюю страну съ боль-

шимъ барышемъ для себя. — Сюда же относится случай, упомянутый нами уже выше, когда лицу досталась даровая квартира, и оно, живя на пей, сберегаетъ больше, чѣмъ составляетъ средняя ея доходность.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что не всякая чрезвычайная выгода можетъ быть отнесена насчетъ личной предприимчивости, бережливости и т. д. обогатившагося лица. Зачастую такая выгода можетъ составлять и результатъ внѣшнихъ, независящихъ отъ лица обогатившагося причинъ, такъ что досталась бы и лицу потерпѣвшему вслучаѣ удержанія имъ блага. Таковъ напр. слѣдующій случай: А. достался домъ, стоимость котораго во время пріобрѣтенія его равнялась 1000 р.; черезъ годъ, благодаря общему вздорожанію цѣнъ, ему удается продать тотъ же домъ за 5000 р.: очевидно, причина, по которой удалось извлечь такую выгоду, внѣшняя, и самая выгода не можетъ быть приписана предприимчивости обогатившагося лица, а должна была коснуться одинаково и его предшественника, еслибъ домъ остался за послѣднимъ.

§ 5.

Наличное обогащеніе. Исчисленіе его.

Обогащеніе не представляетъ собою неизмѣнной, разъ на всегда установленной величины.

Подобно тому, какъ все вообще имущество даннаго лица постоянно измѣняется подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій, какъ-то дѣйствія случая, дѣйствій самого лица и третьихъ лицъ, — такъ и та его

часть, которая составляет обогащеніе этого лица насчетъ другаго лица, можетъ подвергнуться ряду измѣненій.

Въ частности, цѣнность первоначальнаго объекта обогащенія при извѣстныхъ условіяхъ можетъ увеличиться или уменьшиться противъ первоначальной его цѣнности, объектъ можетъ исчезнуть вполнѣ или отчасти; съ другой стороны къ прямому обогащенію можетъ присоединиться или замѣнить его обогащеніе косвенное, и т. д. — И такъ, размѣръ обогащенія въ разное время можетъ быть различный: обогащеніе можетъ увеличиться, уменьшиться и даже совсѣмъ прекратиться.

Спрашивается, какъ опредѣлить размѣръ обогащенія въ данное время, (напр., въ моментъ предъявленія иска или постановленія судебнаго рѣшенія), — или короче, какъ опредѣлить наличное обогащеніе лица?

Очевидно, необходимо сложить все прямое и косвенное обогащеніе даннаго лица насчетъ другаго лица, какимъ то и другое представляется въ данное время, и изъ полученной суммы вычесть тѣ расходы, которые были вызваны фактомъ обогащенія.

Первая часть этой задачи не представляетъ особыхъ затрудненій и поэтому мы не будемъ останавливаться на ней. Но зато необходимо ближе разсмотрѣть вопросъ о томъ, насколько тѣ или другіе расходы оказываютъ вліяніе на размѣръ обогащенія въ смыслѣ уменьшенія его.

I. Прежде всего, яено, что тогда только расходъ можетъ оказать вліяніе на размѣръ обогащенія, когда между тѣмъ и другимъ существуетъ причинная связь

въ томъ смыслѣ, что расходъ (прямо или косвенно) вызванъ обогащеніемъ. Другими словами, не могутъ быть приняты въ расчетъ расходы, которые были бы совершены во всякомъ случаѣ, какъ-то расходы необходимые и, по общему правилу, привычные; требуется, чтобъ расходъ былъ такого рода, чтобъ лицо при другихъ условіяхъ отказалось бы отъ него.

Сверхъ того требуется, чтобъ расходъ былъ непроизводительный въ томъ смыслѣ, что не привелъ къ приобрѣтенію равноцѣннаго съ израсходованной суммой эквивалента, такъ какъ иначе не можетъ быть рѣчи объ уменьшеніи обогащенія.

II. Таковы общія положенія. Что касается частныхъ, то необходимо различать двѣ категоріи расходовъ: а) расходы, непосредственно вызванные обогащеніемъ и б) расходы, косвенно вызванные имъ.

1) Что касается первой категоріи расходовъ, то сюда относятся расходы, потраченные на самый объектъ обогащенія, какъ-то расходы по содержанію, ремонту вещи и т. д.; при модифицированномъ обогащеніи сюда же могъ бы быть отнесенъ расходъ на приобрѣтеніе вещи. Отличительная особенность этихъ расходовъ заключается въ томъ, что причинная связь между обогащеніемъ и расходомъ особенно ярко бросается въ глаза: не будь обогащенія, то расходъ навѣрное не былъ бы произведенъ за отсутствіемъ предмета, на который онъ могъ бы быть потраченъ. Напр. лицу достался домъ въ 10.000 р. и оно истратило на ремонтъ 1000 р. Очевидно, въ соотвѣтственной мѣрѣ понижается размѣръ его обогащенія.

2) Что касается косвенныхъ расходовъ, то къ нимъ относятся вообще все расходы, не потраченные на самый объектъ обогащенія, разъ лицо при другихъ условіяхъ отказалось бы отъ расхода и расходъ не привелъ къ приобрѣтенію равноцѣннаго эквивалента. Въ случаяхъ такого рода причинная связь между расходомъ и обогащеніемъ подчасъ трудно уловима, — установленіе ея составляетъ въ каждомъ данномъ случаѣ *quaestio facti*. Во всякомъ случаѣ совершенно безразлично, составляютъ ли объектъ обогащенія индивидуально опредѣленныя или замѣнимыя вещи, (напр. деньги), какъ равно не имѣетъ значенія то обстоятельство, выдѣляется ли объектъ обогащенія изъ остальнаго имущества лица, или онъ составляетъ съ нимъ одну общую массу (какъ напр. вслучаѣ сбереженій).

Достаточно будетъ привести нѣсколько примѣровъ, чтобъ убѣдиться въ правильности этихъ положеній. Допустимъ, напр. что лицу А досталась даровая квартира и онъ, благодаря этому, сберегъ 1000 руб. Онъ жертвуетъ эти деньги или часть ихъ на благотворительную цѣль, или совершаетъ на нихъ путешествіе, или проигрываетъ ихъ въ карты, — во всехъ этихъ случаяхъ его сбереженіе сокращается въ соотвѣтствующей мѣрѣ.

Другой примѣръ: А достался домъ, цѣнною въ 10.000 руб. Это побуждаетъ его пожертвовать нѣсколько тысячъ на благотворительную цѣль, или простить долгъ третьему лицу, и т. д. — И въ данномъ случаѣ, разъ только ясно, что расходъ не былъ бы

произведенъ, не будь обогащенія, нужно будетъ признать соотвѣтствующее пониженіе размѣра обогащенія.

Сомнѣніе можетъ возникнуть на первый взглядъ въ томъ случаѣ, когда расходъ привелъ къ пріобрѣтенію эквивалента, имѣющаго самостоятельную цѣнность. Нельзя однако не принять въ соображеніе, что цѣнность эквивалента можетъ быть меньше потраченной на пріобрѣтеніе его суммы, что возможно ухудшеніе отъ потребленія пріобрѣтенной вещи и т. д. Ввиду этихъ соображеній нельзя не придти къ заключенію, что и такіе расходы при извѣстныхъ условіяхъ могутъ повести къ уменьшенію первоначальнаго обогащенія.

§ 6.

И т о г и.

Въ заключеніе нашего далеко не полнаго анализа экономической стороны обогащенія, мы постараемся формулировать важнѣйшіе результаты, къ которымъ мы пришли.

1) Обогащеніе само по себѣ есть явленіе экономическое; возникновеніе, ростъ, уменьшеніе и прекращеніе его опредѣляется своеобразными законами и не поддается произвольной юридической регламентаціи.

2) Размѣръ обогащенія одного лица насчетъ другаго не можетъ быть опредѣленъ путемъ простаго установленія объективной цѣнности блага, а тѣмъ менѣе путемъ отождествленія его съ размѣромъ убытка потерпѣвшаго лица. Размѣръ обогащенія вообще не

есть постоянная величина, а въ разное время можетъ быть различный.

3) Размѣръ обогащенія лица въ данное время или наличное его обогащеніе опредѣляется такимъ образомъ, что

а) сначала складывается все прямое и косвенное обогащеніе этого лица насчетъ другаго лица, какимъ оно представляется въ данное время и

б) затѣмъ изъ полученной суммы слѣдуетъ вычесть расходы, прямо или косвенно вызванные фактомъ обогащенія.

Глава II.

Юридическое значеніе обогащенія.

§ 7.

Общій обзоръ.

Юридическое значеніе обогащенія можетъ быть чрезвычайно различное, смотря по тому, при какихъ условіяхъ, при какихъ сопутствующихъ обстоятельствахъ оно состоялось. Такъ, при однихъ условіяхъ оно считается правомѣрнымъ, не подлежащимъ оспариванію или возврату. Сюда относится, по общему правилу, всякое обогащеніе одного лица насчетъ другаго, состоявшееся съ согласія лица потерпѣвшаго, какъ, напр., дѣйствительное дареніе. При другихъ условіяхъ,

наоборотъ, обогащеніе считается неправомѣрнымъ, противорѣчащимъ законнымъ интересамъ третьихъ лицъ, отъемлемымъ. Сюда относится по общему правилу всякое обогащеніе одного лица насчетъ другаго, являющееся результатомъ правонарушительныхъ дѣйствій лица обогатившагося, какъ-то кражи, растраты и проч.

И такъ, не всякое обогащеніе одного лица насчетъ другаго создаетъ для лица потерпѣвшаго право требовать возврата обогащенія со стороны лица обогатившагося; такое право можетъ возникнуть лишь при наличности особыхъ условій, квалифицирующихъ обогащеніе какъ неправомѣрное.

Отсюда вытекаетъ само собою основное дѣленіе обогащенія на правомѣрное или неотъемлемое и неправомѣрное или отъемлемое.

Соотношеніе этихъ двухъ видовъ обогащенія на практикѣ, *in concreto*, согласно общему правилу *beati possidentes*, таково, что всякое обогащеніе, доколѣбъ противное не будетъ доказано, признается формально правомѣрнымъ и слѣдовательно неотъемлемымъ.

Ясно, что лишь постольку, поскольку обогащеніе *in abstracto* отъемлемо, оно имѣетъ юридическое значеніе въ томъ смыслѣ, что является однимъ изъ моментовъ, обосновывающихъ исковое притязаніе потерпѣвшаго лица противъ обогатившагося.

Въ этомъ смыслѣ позволительно сказать, что обогащеніе въ юридическомъ смыслѣ есть отъемлемое экономическое обогащеніе. Другими словами: первое есть квалифицированный видъ втораго: отношеніе обогащенія въ экономическомъ смыслѣ къ обогащенію въ

юридическомъ смыслѣ есть отношеніе рода къ виду; первое понятіе — болѣе широкое, второе — болѣе узкое.

Это явленіе не единичное въ области частнаго права.

Напротивъ, всякое экономическое явленіе можетъ получить значеніе для права въ качествѣ одного изъ основаній опредѣленнаго рода притязаній лишь въ связи съ другими моментами.

Достаточно вспомнить замѣчательную паралель, которую представляетъ ученіе о вознагражденіи за вредъ и убытокъ.

Убытокъ въ экономическомъ смыслѣ есть всякое уменьшеніе имущества лица, прямое или косвенное. Такое уменьшеніе можетъ произойти какъ отъ случая, такъ отъ дѣйствій самого потерпѣвшаго лица или третьихъ лицъ.

За имущественный вредъ, являющійся результатомъ случая или дѣйствій самого потерпѣвшаго лица, по общему правилу никто не отвѣчаетъ; но въ видѣ исключенія и такой убытокъ получаетъ юридическое значеніе, — въ силу договорнаго соглашенія (договоръ страхованія) или особаго постановленія закона (нѣкоторыя части законодательства по рабочему вопросу).

Что касается убытка, нанесеннаго одному лицу дѣйствіями другаго лица, то и такой убытокъ не обязываетъ безусловно виновника его къ вознагражденію потерпѣвшаго лица, — требуется особая квалификація соотвѣтствующаго дѣйствія, какъ то наличность *dolus* или *culpa* со стороны виновника.

Въ результатъ оказывается, что и въ ученіи о вознагражденіи за вредъ и убытокъ слѣдуетъ различать

убытокъ въ экономическомъ и убытокъ въ юридическомъ смыслѣ; первое понятіе — болѣе широкое, второе — болѣе тѣсное: убытокъ въ юридическомъ смыслѣ есть только такой экономическій убытокъ, который создаетъ для потерпѣвшаго лица право требовать вознагражденія за него.

Очевидно, отдѣльныя правовыя системы могутъ расходиться (и сильно расходятся) по вопросу о томъ, при какихъ условіяхъ и какое получаетъ юридическое значеніе данное экономическое явленіе. Очевидно также, что постановка этихъ вопросовъ въ данной правовой системѣ можетъ считаться удовлетворительной лишь постольку, поскольку она согласована съ потребностями жизни и оборота.

II. И такъ, обогащеніе въ юридическомъ смыслѣ есть отъемлемое экономическое обогащеніе.

Оно можетъ имѣть двоякое значеніе:

1) Обогащеніе одного лица насчетъ другаго можетъ имѣть самостоятельное юридическое значеніе, т. е. представлять собою основаніе и предѣлъ отвѣтственности обогатившагося лица предъ потерпѣвшимъ. Другими словами: предметъ притязанія потерпѣвшаго лица составляетъ возвратъ наличнаго обогащенія обогатившагося, съ прекращеніемъ обогащенія падаетъ самое притязаніе.

Таковъ напр. случай *hereditatis petitio* противъ добросовѣтнаго наслѣдовладѣльца по римскому праву, *revocatio donationis inter virum et uxorem* и др.

2) Обогащеніе можетъ имѣть второстепенное юридическое значеніе, притомъ въ двоякомъ смыслѣ:

а) притязаніе потерпѣвшаго лица противъ обогатившагося возникло по основанію, независимому отъ обогащенія. Такимъ основаніемъ можетъ служить *obligatio ex contractu — ex lege — ex delicto*. Обогащеніе въ такихъ случаяхъ имѣетъ лишь значеніе привходящаго момента, отвѣтственность одного лица предъ другимъ существуетъ и помимо обогащенія, — прекращеніе обогащенія не влечетъ за собой прекращенія притязанія.

б) Обогащеніе составляетъ необходимое условіе для возникновенія притязанія, но разъ возникло притязаніе, оно продолжаетъ существовать независимо отъ того, продолжается ли обогащеніе или нѣтъ.

Сюда относится напр. случай *hereditatis petitio* противъ *malae fidei possessor hereditatis*, *condictio indebiti* противъ *malae fidei accipiens* и др.

Соотношеніе между обоими видами обогащенія, — самостоятельнымъ и второстепеннымъ, — можетъ быть выражено слѣдующею формулою:

обогащеніе, имѣющее самостоятельное значеніе въ качествѣ объекта извѣстныхъ исковыхъ притязаній, представляетъ собою минимумъ всякой отвѣтственности въ томъ смыслѣ, что лицо обогатившееся въ такихъ случаяхъ не отвѣчаетъ вовсе остальнымъ своимъ имуществомъ, какимъ это послѣднее представляется помимо обогащенія.

Наоборотъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обогащеніе имѣетъ одно второстепенное значеніе, лицо обогатившееся отвѣчаетъ и собственнымъ имуществомъ.

Послѣдующее изложеніе имѣетъ цѣлью отвѣтить на вопросъ о томъ, когда за обогащеніемъ признается самостоятельное значеніе.

Но прежде чѣмъ дать такой отвѣтъ, необходимо опредѣлить, въ какихъ случаяхъ обогащеніе вообще имѣетъ юридическое значеніе въ указанномъ выше смыслѣ, т. е. когда оно считается отъемлемымъ; разрѣшеніе этого вопроса послужитъ базисомъ для дальнѣйшаго анализа.

§ 8.

Критеріи отъемлемости обогащенія.

Первый вопросъ, который требуется разрѣшить, есть вопросъ о критеріяхъ отъемлемости обогащенія.

Подробное изученіе этого вопроса выходитъ за предѣлы настоящаго изслѣдованія; для нашей цѣли представляется достаточнымъ намѣтить общіе выводы, къ которымъ приводитъ разсмотрѣніе относящихся сюда постановленій положительнаго права. При этомъ естественно нельзя ограничиваться разборомъ одного какого нибудь законодательства, а необходимо уловить общія черты, свойственныя вообще развитымъ правовымъ системамъ.

На первый взглядъ такая задача можетъ показаться совершенно неосуществимой: не только различныя правовыя системы сильно расходятся по вопросу о томъ, когда и при какихъ условіяхъ при наличности

обогащенія одного лица насчетъ другаго допускается притязаніе потерпѣвшаго лица противъ обогатившагося; даже для одной и той же системы права невозможно указать общій принципъ, одинаково примѣнимый ко всемъ случаямъ.

Однако, при ближайшемъ разборѣ оказывается, что все эти отдѣльныя исковыя притязанія, возникшія въ разное время при различныхъ условіяхъ независимо другъ отъ друга, всетаки могутъ быть подведены подъ нѣкоторыя общія категоріи, и что получаемые отсюда выводы могутъ послужить основаніемъ для дальнѣйшаго изслѣдованія.

Мы разсмотримъ отдѣльно непосредственное и производное обогащеніе.

I. Разсматривая отдѣльныя категоріи непосредственнаго обогащенія, на которыя оно распадается смотря по источнику возникновенія его (ср. § 2), мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ, безусловно примѣнимымъ ко всемъ правовымъ системамъ:

1) Неотъемлемо прежде всего всякое обогащеніе *ex lege* и *ex sententia judiciali*.

Это положеніе настолько очевидно, что не нуждается въ ближайшемъ подкрѣпленіи.

2) Что касается обогащенія *ex negotio*, то тутъ вопросъ нѣсколько сложнѣе. Необходимо различать двѣ категоріи случаевъ:

а) обогащеніе безусловно отъемлемо, поскольку такой характеръ приданъ ему самими заинтересованными лицами или поскольку это вытекаетъ изъ самой сущности сдѣлки.

б) что касается остальных случаевъ, то, при нормальныхъ условіяхъ, обогащеніе должно быть признано неотъемлемымъ, такъ какъ въ такихъ случаяхъ переходъ благъ изъ одного имущества въ другое совершается по доброй волѣ заинтересованныхъ лицъ. Следовательно, разъ на лицо общія и спеціальныя условія, при которыхъ юридическая сдѣлка вообще и данная сдѣлка въ частности вступаетъ въ силу, (какъ то: дѣеспособность потерпѣвшаго лица, правильное по формѣ и содержанію заключеніе сдѣлки, отсутствіе признаковъ *vis, dolus, error, наступленіе conditionis, modi* при *negotia conditionalia, ob causam*), — обогащеніе, являющееся результатомъ такой сдѣлки, должно быть признано неотъемлемымъ.

Такая постановка вопроса представляется единственно правильною и оправдывается двоякаго рода соображеніями. Во первыхъ иное отношеніе къ дѣлу закона поставило бы одну сторону въ полную зависимость отъ другой, побуждало бы сторонъ къ необдуманному и легкомысленному образу дѣйствій и противорѣчило бы интересамъ оборота. Во вторыхъ при наличности указанныхъ условій въ среднемъ выводѣ можно предположить, что дѣйствія сторонъ будутъ обдуманы и цѣлесообразны, такъ что вѣроятность чрезмѣрной наживы одной стороны насчетъ другой будетъ невелика.

Необходимо впрочемъ отмѣтить, что выставленный нами принципъ, въ силу котораго обогащеніе одного лица насчетъ другаго въ указанныхъ предѣлахъ не имѣетъ юридическаго значенія, подлежитъ модификаціи

въ двоякомъ отношеніи: отчасти уклоненіе допускается въ интересахъ потерпѣвшаго лица (ср. напр. въ Римскомъ правѣ: законы о ростовщичествѣ, *laesio enormis*, *actio redhibitoria* и *quanti minoris*, *lex Anastasiana*), отчасти такое уклоненіе обусловливается преимущественно или исключительно принятіемъ въ расчетъ интересовъ третьихъ лицъ, — близкихъ родственниковъ, кредиторовъ, (ср. въ Римскомъ правѣ законныя ограниченія свободы дареній и завѣщаній, *actio Pauliana directa* и *utilis*).

Все эти уклоненія имѣютъ ту общую черту, что вполне дѣйствительная сама по себѣ юридическая сдѣлка подвергается оспариванію въ виду явственно экономической перемѣны, воспослѣдовавшей въ имущественныхъ отношеніяхъ сторонъ.

Болѣе подробный анализъ относящихся сюда случаевъ выходитъ за предѣлы нашей задачи.

Нельзя однако не замѣтить, что эти исключенія несколько не противорѣчатъ общему правилу, а напротивъ дополняютъ его, принимая въ расчетъ особо квалифицированные случаи. Дѣйствительно, въ однихъ изъ указанныхъ случаевъ право обращаетъ вниманіе на бѣдственное положеніе лица, которое лишено возможности свободно разсчитать и взвѣсить средства для удовлетворенія своихъ потребностей; въ другихъ право въ большей или меньшей степени защищаетъ законные интересы третьихъ лицъ противъ такого лица, которое злоупотребляетъ своей дѣеспособностью.

3) Наконецъ, всякое другое обогащеніе, — *ex delicto*, *ex facto bona fide peracto*, *ex casu* — въ

принципъ безусловно отъемлемо, (поскольку конечно такое происхожденіе обогащенія можетъ быть доказано на судѣ).

Это положеніе непосредственно вытекаетъ изъ основнаго начала имущественно-гражданскаго права, по которому право охраняетъ (сущестующій) имущественный status и стремится къ послѣльному возстановленію его тамъ, гдѣ онъ нарушенъ вопреки волѣ непосредственно заинтересованныхъ лицъ.

Таковъ общій результатъ, къ которому приводитъ разсмотрѣніе отдѣльныхъ случаевъ непосредственнаго обогащенія.

Въ дополненіе къ сказанному и во избѣжаніе недоразумѣній необходимо еще отмѣтить слѣдующее:

Во 1-ыхъ, мы разсматриваемъ исключительно вопросъ о томъ, когда обогащеніе считается отъемлемымъ (или неотъемлемымъ) *in abstracto*, оставляя въ сторонѣ тѣсно связанный съ нимъ процессуальный вопросъ о томъ, когда обогащеніе можетъ быть признано отъемлемымъ *in concreto*.

Во 2-ыхъ, ясно само собою, что отдѣльныя, частныя условія, при наличности которыхъ напр. данная сдѣлка признается заключенной правильно, данное дѣйствіе считается правонарушеніемъ, не во всѣхъ правовыхъ системахъ одинаковы. (Стоитъ вспомнить напр. различіе въ срокъ совершенности, достиженіемъ котораго обусловливается полная дѣеспособность лица). Мы не касаемся вытекающихъ отсюда модификацій, вводя въ этомъ отношеніи въ нашу аргументацію предположеніе: *ceteris paribus*.

Въ 3-ихъ, мы задались исключительно цѣлью провести границу между отъемлемымъ и неотъемлемымъ обогащеніемъ какъ таковыми, нисколько не затрогивая вопроса о размѣрѣ отвѣтственности обогатившагося лица въ каждомъ данномъ случаѣ, гдѣ обогащеніе считается отъемлемымъ.

II. Что касается производнаго обогащенія, то вопросъ о критеріяхъ отъемлемости его принадлежитъ къ числу самыхъ запутанныхъ. Мы не имѣемъ въ настоящее время возможности коснуться этого вопроса подробнѣе, а должны ограничиться слѣдующими двумя положеніями.

1) Обогащеніе, неотъемлемое въ качествѣ непосредственнаго, неотъемлемо и въ качествѣ производнаго обогащенія.

Дѣйствительно, разъ обогащеніе безусловно неотъемлемо *inter partes*, — дальнѣйшій переходъ блага, составляющаго предметъ обогащенія, въ третьи, четвертыя и т. д. руки, не можетъ измѣнить характера обогащенія по отношенію къ первоначально потерпѣвшему лицу.

Допустимъ, напр., что Р подарилъ какую нибудь вещь S; Т можетъ украсть эту вещь у S, самъ подарить ее Q и т. д., — очевидно, что бы съ вещью ни произошло, но Р уже не имѣетъ никакихъ правъ на нее.

2) Обогащеніе, отъемлемое въ качествѣ непосредственнаго, не всегда отъемлемо въ качествѣ производнаго.

Стоитъ вспомнить хотя бы ограниченную область примѣненія т. н. версіоннаго иска въ большинствѣ частноправныхъ системъ и полное отсутствіе его въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобъ убѣдиться въ правильности этого положенія.

Въ результатѣ оказывается:

1) Непосредственное обогащеніе, основанное на законѣ или судебномъ рѣшеніи, *in abstracto* безусловно неотъемлемо.

Непосредственное обогащеніе, основанное на юридической сдѣлкѣ, при нормальныхъ условіяхъ неотъемлемо, если только заинтересованныя лица сами не придали ему иной характеръ. Всякое другое непосредственное обогащеніе безусловно отъемлемо.

2) Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обогащеніе неотъемлемо въ качествѣ непосредственнаго, оно неотъемлемо и въ качествѣ производнаго обогащенія. Но не наоборотъ: обогащеніе, отъемлемое въ качествѣ непосредственнаго, можетъ и не быть отъемлемымъ въ качествѣ производнаго обогащенія.

§ 9.

Второстепенное и самостоятельное значеніе отъемлемаго обогащенія.

Мы постарались провести границу между отъемлемымъ и неотъемлемымъ обогащеніемъ вообще.

Намъ остается указать критеріи, которыми отдѣляется отъемлемое обогащеніе, имѣющее самостоятельное значеніе, отъ отъемлемаго обогащенія, имѣющаго одно второстепенное значеніе.

Исходные пункты по этому вопросу вкратцѣ были намѣчены выше, въ § 7. Мы раземотримъ теперь этотъ вопросъ нѣсколько ближе.

Обогащеніе одного лица насчетъ другаго имѣетъ самостоятельное значеніе постольку, поскольку оно является предѣломъ отвѣтственности обогатившагося лица предъ потерпѣвшимъ; другими словами, исковое притязаніе потерпѣвшаго лица должно имѣть своимъ предметомъ возвратъ наличнаго обогащенія.

Вопросъ о размѣрѣ наличнаго обогащенія лица обогатившагося и слѣдовательно о степени отвѣтственности его предъ лицомъ потерпѣвшимъ долженъ быть разрѣшенъ на основаніи данныхъ, добытыхъ путемъ изслѣдованія экономической природы обогащенія (см. главу I).

Тѣ исковыя притязанія, при которыхъ обогащеніе получаетъ самостоятельное значеніе въ указанномъ смыслѣ, образуютъ собою категорію исковъ объ обогащеніи, или точнѣе исковъ о возвратѣ наличнаго обогащенія.

Задача наша сводится къ тому, чтобы установить отличительные критеріи этой категоріи исковыхъ притязаній.

Мы начнемъ съ того, что выдѣлимъ сначала тѣ случаи, въ которыхъ обогащеніе безусловно не имѣетъ самостоятельнаго значенія, т. е. не является предѣломъ отвѣтственности обогатившагося лица.

Эти случаи могутъ быть подведены подъ двѣ категоріи.

1) Обогащеніе никогда не имѣетъ самостоятельнаго значенія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно не является необходимымъ условіемъ для возникновенія исковаго притязанія, а гдѣ это исковое притязаніе существуетъ по самостоятельному, независимому отъ факта обогащенія основанію.

Такихъ основаній можетъ быть три: юридическая сдѣлка, спеціальнѣй законъ и самостоятельное имущественное правонарушеніе.

Предметомъ соотвѣтствующихъ притязаній является или исполненіе, или вознагражденіе за вредъ и убытокъ.

Въ частности юридическая сдѣлка обязываетъ либо альтернативно къ исполненію или вознагражденію за вредъ и убытокъ въ случаѣ несвоевременнаго, неполнаго и т. д. исполненія (напр. договоръ о возмездной или безвозмездной, условной или безусловной передачѣ какой нибудь вещи), — либо къ одному вознагражденію за вредъ и убытокъ (напр. страховой договоръ, заключаемый обыкновенно съ указаніемъ максимальнаго предѣла убытковъ, за которые отвѣчаетъ страховщикъ).

Равнымъ образомъ законъ обязываетъ либо къ исполненію (напр. алиментарное обязательство), либо къ вознагражденію за убытки (напр. случаи законной отвѣтственности опекуновъ, хозяевъ и др. лицъ за вредъ, причиненный неправильными или преступными дѣйствіями опекаемыхъ, рабочихъ и т. д.).

Наконецъ, совершеніе преступленія влечетъ за собою обязанность къ возмѣщенію убытковъ отъ пре-

ступленія, а между прочимъ, если лицо, совершившее преступленіе, обогатилось, и къ возврату обогащенія (напр. вслучаѣ кражи со взломомъ).

Обогащенія во всѣхъ указанныхъ случаяхъ можетъ и не быть вовсе; если же оно и есть, то оно имѣетъ только значеніе привходящаго момента, и въ частности вопросъ о томъ, прекратилось ли первоначальное обогащеніе обязаннаго лица или же оно продолжаетъ существовать, въ принципѣ не имѣетъ никакого значенія при оцѣнкѣ размѣра отвѣтственности этого лица предъ лицомъ управомоченнымъ.

И такъ, гдѣ существуетъ самостоятельное обязательственное отношеніе между заинтересованными лицами, будь это *obligatio ex negotio*, *ex lege* или *ex delicto*, обогащеніе обязаннаго лица насчетъ управомоченнаго не имѣетъ самостоятельнаго значенія; въ такихъ случаяхъ дѣло сводится всегда или къ иску объ исполненіи, или къ иску о вознагражденіи за вредъ и убытокъ.

Считая это положеніе вѣдь всякаго спора, мы переходимъ ко второй группѣ случаевъ.

II. Обогащеніе никогда не имѣетъ самостоятельнаго значенія и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно является необходимымъ условіемъ для возникновенія притязанія (т. е. гдѣ до принятія обогащенія стороны не находились ни въ какихъ обязательственныхъ отношеніяхъ между собою), разъ только обогатившееся лицо находится *in dolo*. Относящіяся сюда случаи могутъ быть поведены подъ двѣ категоріи:

1) Иски вещные, направленные противъ *malae fidei possessor*, начиная отъ вѣдикаціи и кончая *hereditatis petitio*.

Эти исковыя притязанія предполагаютъ наличность владѣнія въ лицѣ отвѣтчика; притомъ недостаточно, чтобъ отвѣтчикъ когда либо владѣлъ вещью, а требуется, чтобъ онъ владѣлъ ею въ самый моментъ предъявленія иска, такъ какъ съ переходомъ владѣнія въ другія руки возможность предъявить искъ противъ прежняго владѣльца прекращается, является новый отвѣтчикъ на смѣну старому. И такъ, отвѣчаетъ наличный владѣлецъ, т. е. лицо, которое по крайней мѣрѣ *prima facie* представляется обогатившимся насчетъ собственника. Обязательственныхъ отношеній между истцомъ и отвѣтчикомъ можетъ не существовать вовсе и они во всякомъ случаѣ не оказываютъ никакого вліянія на степень ответственности владѣльца — отвѣтчика. Можно даже сказать больше: къ вещному иску прибѣгаютъ на практикѣ тогда только, когда не существуетъ другаго нековаго притязанія противъ обязаннаго лица, такъ какъ эти иски наиболѣе сложные, наименѣе удобные для лица управомоченнаго, въ виду трудности для истца доказать свое притязаніе (*probatio diabolica* при *vindicatio*).

Исключеніе изъ общаго правила представляютъ повидимому случаи предъявленія этихъ исковъ противъ т. наз. *fictus possessor*, къ которому якобы можетъ быть предъявленъ вещный искъ, несмотря на отсутствіе владѣнія въ его лицѣ. Исключеніе это однако только кажущееся, такъ какъ хотя Римское

право въ такихъ случаяхъ и говорить формально о вещномъ искѣ, но съ матерьяльной стороны такой искъ есть лишь особо квалифицированный личный искъ объ убыткахъ, отличающійся некоторыми процессуальными особенностями (ср. v. Bethmann - Hollweg, *römischer Civilprocess*, т. II, § 90, прим. 38). Это ясно сознано современнымъ правомъ, которое въ этихъ случаяхъ не говоритъ уже о виндикаціи, а причисляетъ эти иски къ искамъ объ убыткахъ (ср. напр. Прусское Земское право, кн. I, т. 15, § 12—15; Дербургъ, *Lehrbuch des Preussischen Privatrechts*, изд. 4-ое, 1884 г., т. I. стр. 628, примеч. 1 и 3. Сакс. Ул. § 299 и 304. Австр. Ул. § 377).

И такъ, нельзя отрицать, что въ разбираемыхъ нами случаяхъ обогащеніе является необходимымъ условіемъ для возникновенія притязанія въ томъ смыслѣ, что отвѣтчикомъ можетъ быть только такое лицо, которое представляется обогатившимся насчетъ истца въ силу того, что оно владѣетъ его вещью.

Что касается предѣла отвѣтственности отвѣтника, то искъ противъ недобросовѣтнаго владѣльца въ сущности есть ничто иное какъ вещный искъ о вознагражденіи за вредъ и убытокъ.

Мы не станемъ подробно останавливаться на этомъ положеніи. Да оно едва-ли и можетъ быть оспорено. Стоитъ сопоставить хотя бы положенія римскаго права, нормирующія предѣлъ отвѣтственности недобросовѣтнаго владѣльца, чтобъ убѣдиться въ правильности этого положенія (ср. напр. пандекты Арндтса, 12 изд., § 167 и 168, ср. также § 533).

Онъ обязанъ выдать *res cum omni causa*; обязанъ вознаграждать за все *fructus percepti et percipiendi*; онъ отвѣчаетъ не только за *omnis culpa*, но и за *casus*, поскольку вещь не погибла бы и у собственника; наконецъ онъ имѣетъ право требовать вознагражденія только за *impensae necessariae*, каковыя иначе легли бы на собственника, а относительно другихъ имѣетъ только *jus tollendi*; то и другое предоставляется ему въ виду того, что иначе собственникъ не только получилъ бы полное вознагражденіе за весь понесенный убытокъ, но въ свою очередь обогатился бы на счетъ владѣльца.

Словомъ, если вникнуть въ эти постановленія, то они представляютъ собою казуистическое исчисленіе возможнаго (прямаго) убытка собственника; все эти постановленія могли бы быть замѣнены однимъ общимъ правиломъ: небросовый владѣлецъ отвѣчаетъ за весь (прямой) убытокъ, вытекающій для собственника изъ того, что вещь находится у владѣльца.

Современныя законодательства все болѣе или менѣе точно воспроизводятъ эти положенія римскаго права, вдаваясь отчасти въ еще большую казуистику и распространяя отчасти отвѣтственность владѣльца и на косвенный убытокъ (ср. напр. Прусское Земское Право кн. I, т. 7, § 222—244, въ особенности § 244).

2) Неки личные, возникающіе въ силу факта обогащенія одного лица на счетъ другаго, при наличности *dolus* со стороны обогатившагося: обогатившіійся знаетъ, что не имѣетъ никакого права на обогащеніе (т. наз. виѣдоговорныя кондикціи и некъ версіонный).

Сюда относятся по Римскому праву *condictio indebiti* противъ *malae fidei accipiens*, (или точнѣе замѣняющая ее *actio furti* и *condictio furtiva* — l. 18 D. de cond. furt. 13. 1; l. 43 pr. D. de furt. 47. 2, ср. l. 65 § 8 D. de cond. ind. 12. 6); *condictio ex turpi* и *injusta causa*, *condictio sine causa* при наличности *dolus* обогатившагося. Далѣе — *actio de in rem verso* при аналогичныхъ условіяхъ — l. 10 § 6 D. de in rem verso 15. 3; *actio Pauliana*.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ обогащеніе порождаетъ искъ объ убыткахъ въ пользу потерпѣвшаго лица противъ обогатившагося.

Современныя законодательства, поскольку они касаются этихъ выѣдоговорныхъ личныхъ отношеній, примыкаютъ къ римскому праву. (Ср. напр. Прусск. Земск. Право кн. I, т. 16, § 189, 193, 194; Австр. Улож. § 1437, Сакс. Ул. § 1528 ср. § 1499, § 1546, 1550; Code civil § 1378 ср. § 1381, Швейц. Обяз. Пр. § 73, 74; проектъ Герм. Ул. § 741, 744, 745, 747, 748).

Мы можемъ формулировать результатъ всего предшествующаго изложенія въ слѣдующихъ словахъ: всѣ разсмотрѣнные нами случаи, въ которыхъ обогащеніе имѣетъ одно всторостепенное значеніе, могутъ быть подведены подъ двѣ категоріи исковъ объ исполненіи и исковъ о вознагражденіи за вредъ и убытокъ, (съ причисленіемъ къ послѣднимъ исторической ихъ разновидности, — исковъ штрафныхъ).

Характерная особенность всѣхъ этихъ случаевъ заключается въ томъ, что они предполагаютъ либо наличность самостоятельныхъ обязательственныхъ отношеній между сторонами, либо *dolus eo* стороны обогатившагося лица. Допущеніе положительнымъ правомъ при такихъ условіяхъ отвѣтственности въ размѣрѣ, выходящемъ за предѣлы наличнаго обогащенія обогатившагося лица, настолько согласно съ требованіями справедливости и интересами оборота, что всякія дальнѣйшія разсужденія по этому предмету представляются излишними.

§ 10.

Продолженіе.

I. Мы переходимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ случаевъ, въ которыхъ обогащеніе имѣетъ самостоятельное значеніе. Прежде всего необходимо сдѣлать общую оговорку.

Наличное обогащеніе лица обогатившагося можетъ служить предметомъ некоего притязанія въ двоякомъ смыслѣ.

Такого рода ограниченная отвѣтственность можетъ представлять собою либо *jus commune*, либо *jus singulare*. Дѣло въ томъ, что ограниченіе отвѣтственности обогатившагося лица размѣромъ наличнаго его обогащенія можетъ быть установлено или по соображеніямъ, касающимся объективнаго состава даннаго правоотношенія, или по соображеніямъ, имѣющимъ въ виду субъективныя особенности опредѣленныхъ категорій лицъ.

Подъ первую категорію исковъ объ обогащеніи подхолятъ тѣ случаи, въ которыхъ ограниченіе отвѣтственности обогатившагося лица размѣромъ наличнаго его обогащенія оправдывается общими соображеніями справедливости и интересами оборота; послѣдніе могутъ потребовать, чтобы въвиду особенностей даннаго правоотношенія лицо обогатившееся не отвѣчало остальнымъ своимъ имуществомъ, какимъ это послѣднее представляется помимо обогащенія, а было бы исключительно обязано къ возврату того, что является обогащеніемъ его насчетъ потерявшаго.

Напротивъ, подъ вторую категорію должны быть подведены тѣ случаи, гдѣ въ пользу извѣстныхъ лицъ при наличности условій, предполагающихъ по общему правилу отвѣтственность лица въ размѣрѣ, выходящемъ за предѣлы наличнаго его обогащенія, — въ видѣ исключенія допускается ограниченіе отвѣтственности его размѣромъ наличнаго обогащенія; въ сущности въ такихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто замѣна притязанія, направленнаго на исполненіе или на вознагражденіе за вредъ и убытокъ, — притязаніемъ, направленнымъ на одинъ возвратъ наличнаго обогащенія.

Въ видѣ примѣра можно указать на положеніе малолѣтнихъ въ Римскомъ правѣ, которые всегда отвѣчаютъ только въ размѣрѣ своего наличнаго обогащенія; сюда же относятся нѣкоторыя притязанія *ex donato* (недѣйствительныя даренія *inter virum et uxorem, revocatio donationis propter ingratitudinem*).

Мы ограничимся разборомъ случаевъ первой категоріи, такъ какъ только по отношенію къ нимъ мо-

жетъ возникнуть вопросъ, не однородны ли эти случаи по существу своему и не могутъ ли они быть подведены подъ извѣстныя общія начала. Соответствующіе неки мы назовемъ неками объ обогащеніи въ тѣсномъ смыслѣ.

II. И такъ, намъ предстоить указать критеріи, которыми отличаются неки объ обогащеніи въ тѣсномъ смыслѣ отъ другихъ категорій нековыхъ притязаній.

Все предшествующее изложеніе привело насъ къ такой отрицательной формулировкѣ этого вопроса:

а) стороны не должны состоять между собою ни въ какомъ обязательственномъ отношеніи, и

б) лицо обогатившееся не должно быть *in dolo*, — такъ какъ при наличности одного изъ этихъ условій или обоихъ возникаетъ некъ объ исполненіи или некъ объ убыткахъ. Другими словами, для того, чтобы обогащеніе одного лица насчетъ другаго получило самостоятельное значеніе, требуется наличность слѣдующихъ двухъ условій:

а) отношенія между обогатившимся и потерпѣвшимъ должны вытекать исключительно изъ факта обогащенія какъ такового, и

б) лицо обогатившееся должно быть *in bona fide*, т. е. оно не должно знать о томъ, что оно обогатилось противъ воли потерпѣвшаго лица и слѣдовательно не должно и знать о своей обязанности къ возврату обогащенія.

Положенія эти добыты нами чисто дедуктивнымъ путемъ. Весь вопросъ состоитъ въ томъ, насколько

они оправдываются соображеніями общаго свойства и положительнымъ правомъ.

А. Въ этомъ отношеніи прежде всего нельзя не признать, что они вполне согласны съ требованіями общей правды и справедливости и интересами оборота.

Дѣйствительно, при наличности указанныхъ условій отпадаетъ всякое соображеніе, какое можно бы было привести въ пользу иной нормировки предѣла отвѣтственности обогатившагося лица: не существуетъ ни обязательства, принятаго имъ добровольно или по закону, ни *dolus* съ его стороны.

Напротивъ, всякое расширеніе отвѣтственности за этотъ предѣлъ представляется крайне несправедливымъ по отношенію къ лицу обогатившемуся, ибо оно приводитъ къ тому, что это лицо отвѣчаетъ предъ лицомъ потерпѣвшимъ не только своимъ обогащеніемъ, но и остальнымъ своимъ имуществомъ; — другими словами, дѣло сводится къ переложенію убытка съ одного лица, не всегда даже безусловно повинно терпящаго убытокъ, на другое лицо, безусловно уже повинное, — словомъ, получается результатъ, очевидно нежелательный.

Б. И такъ, добытый нами выводъ вполне оправдывается общими соображеніями.

Какъ же относится къ нему положительное право. — подтверждаетъ ли оно его или нѣтъ? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы раземотримъ отдѣльно двѣ группы случаевъ:

1) вещные иски, построенные по типу иска о собственности, поскольку отвѣтчикомъ является добросо-

вѣстный владѣлецъ (*vindicatio, actio Publiciana, actio hypothecaria* и т. д.). Иски эти направлены на возвратъ какъ непосредственнаго, такъ и производнаго обогащенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ случаи эти ввиду вышензложеннаго несомнѣнно подходятъ подъ выставленные нами критеріи: искъ предъявляется къ владѣльцу, т. е. какъ и чистый искъ объ обогащеніи, къ лицу, *prima facie* обогатившемуся насчетъ собственника. — Между тѣмъ положительное право не ограничиваетъ ответственности добросовѣстнаго владѣльца предѣломъ наличнаго его обогащенія: всѣ законодательства въ большей или меньшей мѣрѣ пренебрегаютъ интересами наличнаго владѣльца, отдавая предпочтеніе интересамъ прежняго (квалифицированнаго) владѣльца.

Особенно рѣзко высказывается въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, римское право.

Нѣкоторыя современныя кодификаціи въ значительной степени ослабляютъ суровыя начала римскаго права введеніемъ того правила, что владѣлецъ *ex causa onerosa* имѣетъ право требовать отъ истца вознагражденія за уплаченный имъ взамѣнъ вещи эквивалентъ (ср. Прусское Земское Право, кн. I, т. 15, § 24—26; *Code civil* § 2280; Сакс. Ул. § 315; проектъ Германскаго Улож. § 939. 940).

Впрочемъ, уже въ Римскомъ правѣ искъ о наслѣдствѣ противъ добросовѣстнаго наслѣдовладѣльца представляетъ рѣзкое исключеніе изъ этого общаго правила: этотъ искъ въ принципѣ именно подходитъ подъ типъ иска о возвратѣ наличнаго обогащенія (I. 36 § 4 *D. de hered. pet.* 5. 3).

2) Иски личные, вытекающие изъ факта обогащенія одного лица насчетъ другаго, при паличности *bona fides* со стороны лица обогатившагося.

Сюда относятся внѣдоговорныя кондикціи, направленные на возвратъ непосредственнаго обогащенія, и искъ версіонный, направленный на возвратъ производнаго обогащенія.

а) Что касается прежде всего внѣдоговорныхъ кондикцій, то въ римскомъ нравѣ вопросъ о томъ, отвѣчаетъ-ли въ относящихся сюда случаяхъ обогатившееся лицо въ размѣръ одного паличнаго обогащенія, — представляется спорнымъ.

Господствующее мнѣніе высказывается въ пользу такого ограниченія отвѣтственности обогатившагося лица. (Ср. Windscheid, Lehrbuch des Pandectenrechts изд. 6-ое 1887 г. т. II § 424 ст. 637, прим. 3-е).

Противъ этого возстаютъ однако цѣлый рядъ ученыхъ (какъ-то: Erxleben, Witte, Voigt, Mandry, Brinz, Dernburg).

Что касается современныхъ кодификацій, то однѣ изъ нихъ высказываются въ пользу ограниченія отвѣтственности указаннымъ предѣломъ. (Ср. Саксонск. Ул. § 1526. 1527. 1529. 1538. 1550; Швейц. Обязат. Пр. § 73. 74, проектъ Герм. Ул. § 739. 740, 744, 745, 748, — ср. и Австр. Ул. § 1431. 1437).

Другія-же допускаютъ болѣе или менѣе существенныя уклоненія отъ этого принципа, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предметъ первоначальнаго обогащенія составляютъ *res fungibiles*. (ср. Прусское Земское Пр. кн. I т. 16 § 193; Code civil.

§ 1378 и сл., Св. мѣстн. узак. губ. Остзейск. т. III § 1397).

б) Относительно версіоннаго иска необходимо прежде всего отмѣтить, что онъ допускается не всеми законодательствами. Такъ напр., этотъ искъ исключенъ изъ числа средствъ судебной защиты Швейцарскимъ Обязательственнымъ правомъ и новымъ проектомъ германскаго гражданскаго уложенія (ср. Мотивы къ проекту, т. II стр. 871—872), какъ равно его не знаетъ Code civil. (ср. и Сакс. Ул. § 1357).

Напротивъ, Римское право, Прусское земское право и Австрійское уложеніе допускаютъ версіонный искъ. Однако, пространство дѣйствія его, какъ равно и размѣръ отвѣтственности обогатившагося лица составляютъ предметъ оживленнаго спора.

Не касаясь пока перваго вопроса, мы вкратцѣ разсмотримъ второй.

Въ этомъ отношеніи прежде всего необходимо указать на споръ, касающійся предмета римской *actio de in rem verso*: господствующее мнѣніе и здѣсь высказывается за ограниченіе отвѣтственности обогатившагося лица размѣромъ наличнаго обогащенія, (ср. Виндшейдъ, ук. соч. т. II § 483, стр. 867), но и здѣсь раздаются не мало голосовъ противъ толкованія источниковъ въ этомъ смыслѣ (ср. въ особенности Вп тте, *Bereicherungsklagen*, стр. 268).

Что касается Прусскаго земскаго права (кн. I, т. 13, § 262—280), то оно высказывается въ принципѣ въ пользу ограниченія отвѣтственности обогатившагося лица размѣромъ наличнаго обогащенія, (ср. § 263.

264. 266 h. t.), хотя это начало и не проведено вполне последовательно (ср. § 273).

Австрийское Уложение (§ 1041. 1042) настолько неясно, что открываетъ дорогу всевозможнымъ толкованіямъ о предметѣ версіоннаго иска.

И такъ, въ результатъ нашего обзора оказывается слѣдующее.

а) Всѣ случаи, въ которыхъ положительное право допускаетъ ограниченіе отвѣтственности обогатившагося лица размѣромъ наличнаго его обогащенія по объективнымъ основаніямъ (т. е. въ качествѣ *jus comsumere*), — подходятъ подъ выставленные нами критеріи;

б) но вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ цѣлый рядъ такихъ случаевъ, которые также подходятъ подъ наши критеріи, но гдѣ отвѣтственность обогатившагося лица выходитъ за предѣлы наличнаго его обогащенія. Другими словами, съ точки зрѣнія положительнаго права не во всѣхъ случаяхъ, гдѣ одно лицо *bona fide* обогатилось насчетъ другаго, отвѣтственность обогатившагося лица ограничивается размѣромъ одного наличнаго обогащенія.

Это явленіе а priori допускаетъ два объясненія.

Первое: выставленные нами критеріи слишкомъ общи и тѣ случаи, въ которыхъ предметъ исковаго притязанія состоитъ въ возвратѣ наличнаго обогащенія, должны быть еще больше специализованы.

Второе: подмѣченное нами на практикѣ разнообразіе между отдѣльными случаями, подходящими подъ наши

критеріи, объясняется не внутреннимъ несходствомъ этихъ случаевъ, а историческими причинами.

Все предшествующее изложеніе свидѣтельствуетъ о томъ, что мы склоняемся въ пользу втораго предположенія. Намъ предстоитъ теперь раскрыть тѣ историческія условія, которыя воспрепятствовали однообразному ходу развитія матерьяльно однородныхъ некоторыхъ притязаній; вмѣстѣ съ тѣмъ мы постараемся отмѣтить тѣ моменты въ исторіи развитія этихъ притязаній, въ которыхъ сказывается стремленіе къ достиженію намѣченнаго нами идеала.

Съ этой цѣлью мы остановимся на искѣ о собственности, къ разбору котораго мы приступимъ во второмъ нашемъ очеркѣ.

II.

ГЛАВНЫЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРИИ РАЗВИТІЯ ОТВѢТ-
СТВЕННОСТИ ДОБРОСОВѢСТНАГО ВЛАДѢЛЬЦА
ПРЕДЪ СОБСТВЕННИКОМЪ.

Ученіе о существованіи единого иска о собственности при ближайшемъ разборѣ оказывается несостоятельнымъ.

Оно соотвѣтствуетъ развѣ характеру виндикаціи на первыхъ стадіяхъ ея развитія. Но въ развитомъ правѣ искъ о собственности получаетъ совершенно различный характеръ въ зависимости отъ того, находится ли владѣлецъ *in bona* или *in mala fide*.

Характеръ виндикаціи, направленной противъ недобросовѣстнаго владѣльца, ясно обозначился уже въ римскомъ правѣ: она превратилась въ (вещный) искъ объ убыткахъ.

Такое значеніе ея было удержано и важнѣйшими современными кодификаціями континентальной Европы (ср. выше § 9).

Не такъ ясно обозначился характеръ виндикаціи, направленной противъ добросовѣстнаго владѣльца.

Положенія римскаго права, опредѣляющія размѣръ ответственности послѣдняго предъ собственникомъ, крайне суровы, отличаются казуистическимъ характеромъ и не могутъ быть сведены къ одному общему принципу.

И въ современномъ правѣ характеръ этого иска не опредѣлился окончательно. Ближайшій анализъ, однако, думается намъ, покажетъ, что въ большинствѣ современныхъ законодательствъ сказывается явная тенденція ограничить размѣръ отвѣтственности добросовѣстнаго владѣльца наличнымъ его обогащеніемъ. Эта тенденція вполне оправдывается характеромъ отношеній, существующихъ между собственникомъ и добросовѣстнымъ владѣльцемъ (см. выше, § 9).

Намъ предстоитъ теперь ближе обосновать эти положенія.

Задача наша въ этомъ отношеніи будетъ двоякая: сначала мы попытаемся указать причины, которыя задержали правильное развитіе виндикаціи *contra bonae fidei possessorem* въ Римскомъ правѣ (гл. I).

А затѣмъ мы постараемся прослѣдить указанную нами тенденцію современнаго права: приближеніе иска о собственности противъ добросовѣстнаго владѣльца къ типу исковъ объ обогащеніи (гл. II).

Глава I.

Римское право.

§ 11.

Первоначальная область дѣйствія виндикаціи.

Виндикація принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ исковыхъ притязаній. Время появленія ея не можетъ быть установлено даже приблизительно. Несомнѣнно

одно, что область примѣненія ея первоначально была значительно уже, чѣмъ въ позднѣйшее время.

Въ развитомъ римскомъ правѣ виндикація возникаетъ въ трехъ главныхъ категоріяхъ случаевъ:

а) когда вещь похищена у собственника ея:

б) когда она перешла къ другому лицу на основаніи недѣйствительной сдѣлки;

в) когда переходъ вещи изъ однихъ рукъ въ другія состоялся подъ условіемъ и условіе не исполнилось, или когда она была передана другому лицу для временнаго пользованія, храненія, въ залогъ, съ порученіемъ передать вещь третьему лицу и т. п., и срокъ пользованія и т. д. истекъ.

1. Изъ этихъ трехъ категорій случаевъ послѣдней первоначально вовсе не существовало.

Первыя сдѣлки оборота были исключительно направлены на полное и безусловное отчужденіе отдѣльныхъ тѣлесныхъ вещей, другими словами, — на передачу права собственности. Лишь много позже ощущается потребность въ формахъ условнаго и неполнаго, временнаго отчужденія (ср. и Герингъ, *Geist des R. R.* изд. 3-е, т. II ч. 2 стр. 433 — 435).

Источники содержатъ цѣлый рядъ указаній на такой ходъ развитія.

1) Что касается условныхъ сдѣлокъ, то отсутствіе ихъ въ древнемъ правѣ удостоверяется прежде всего Папиніаномъ, который прямо говоритъ, что *actus legitimi* (древнѣйшія сдѣлки цивильнаго права) — *non recipiunt diem vel condicionem*; они *in totum*

vitiantur per temporis vel condicionis adjectionem (l. 77 D. de V. S. 50. 17).

Ср. Фойгтъ, *das jus naturale etc.* т. III стр. 34 и 35, въ особ. примѣч. 42 (*mancipatio*) и 46 (*in jure cessio*).

Далѣе, еще Гай считаетъ нужнымъ особо заявить, что купля-продажа и наемъ могутъ быть заключены подъ условіемъ.

Gaj. Inst. III, § 146, — *jam enim non dubitatur, quin sub condicione res venire aut locari possunt.*

И Юстиніанъ говоритъ:

l. 6 Cod. pro socio 4. 37. — *de societate apud veteres dubitatum est, si sub condicione contrahi potest.*

Слѣдовательно, даже относительно неформальныхъ сдѣлокъ позднѣйшаго права существовалъ споръ о томъ, можетъ-ли быть поставленъ эффектъ сдѣлки въ зависимость отъ наступленія того или другаго условія.

2) Подобно тому, какъ первоначально не существовало условныхъ сдѣлокъ, не было и сдѣлокъ, направленныхъ на временную передачу вещи въ третьи руки (для пользованія, на храненіе, въ залогъ).

Къ этимъ сдѣлкамъ должны быть отнесены прежде всего сдѣлки, направленные на установленіе узуфрукта, который представляетъ собою древнѣйшую форму личныхъ сервитутовъ.

Есть основаніе думать, что единственнымъ способомъ установленія узуфрукта первоначально служилъ легать: на это указываетъ тотъ фактъ, что преторъ требовалъ *cautio usufructuaria* только при *ususfructus legatus* (l. 1 Dig. usufructuarius quemadmodum 7. 9).

Ср. Дербургъ, Pandekten т. I стр. 580.

Ленель, Edictum perpetuum стр. 296.

Между тѣмъ, едва ли подлежитъ сомнѣнiю, что самое наследованiе по завѣщанiю, а тѣмъ болѣе такой сложный институтъ, какъ легать, возникли относительно поздно.

Изъ другихъ, относящихся сюда сдѣлокъ, мы укажемъ еще на залогъ и на договоры *depositi* и *commodati*. Цѣли, преслѣдуемая этими сдѣлками, первоначально достигались лишь косвеннымъ путемъ, посредствомъ *mancipatio* и *in jure cessio fiducia causa*. Форма эта, которая довольно подробно разбирается Гаемъ (Inst. II, § 59. 60), настолько искусственная, что сама по себѣ уже свидѣтельствуетъ объ относительно позднемъ происхожденiи своемъ.

Ср. Oertmann, die fiducia, 1890, стр. 52—72.

II. Вторая категорiя случаевъ также первоначально не могла имѣть большаго пракческаго значенiя, такъ какъ число вѣхъ заключаемыхъ сдѣлокъ при зачаточномъ состоянiи оборота само по себѣ не могло быть особенно велико и сверхъ того сдѣлки первоначально были безусловно дѣйствительны, разъ только была соблюдена надлежащая форма.

1) Всѣ ограниченiя этого положенiя относятся къ позднѣйшему времени.

Стоитъ вспомнить, что *actio* и *exceptio doli* и *quod metus causa* и вѣдоговорныя кондикци, въ частности *condictio indebiti*, эти важнѣйшiе коррективы на случай обмана, насилiя и ошибки, возникли относительно поздно. Такъ, *actio doli* и *quod metus causa* введены лишь преторомъ.

Что касается вѣдоговорныхъ кондикцій, то онѣ во всякомъ случаѣ появились только послѣ изданія *legis Siliae* и *Calpurniae*, коими введена послѣдняя *legis actio* — *per condictionem*. (Ср. Фойгтъ, *über die condictiones ob causam*, стр. 258 и сл.).

Равнымъ образомъ отдѣльныя ограниченія свободы распоряженій начинаютъ возникать лишь послѣ изданія XII табл., которыя выставили положеніе: *uti lingua nuncupasset, ita jus esto*.

Да оно и понятно: главными, если только не единственными формами сдѣлокъ оборота служили первоначально *mancipatio* и *in jure cessio*. Сущность первой заключается въ участіи свидѣтелей, сущность второй въ участіи магистрата при совершеніи сдѣлки. Другими словами, сдѣлки заключаются подъ контролемъ третьихъ, незаинтересованныхъ лицъ (за исключеніемъ развѣ случаевъ передачи малоцѣнныхъ объектовъ, — ср. Фойгтъ, *das jus naturale*, т. III стр. 207, — таковы не имѣютъ однако сколько нибудь важнаго практическаго значенія). При такихъ условіяхъ возможность обмана, насилія, ошибки очень незначительна; заключеніе сдѣлки лицомъ недѣеспособнымъ, напр. ребенкомъ или умалишенномъ, почти невысказано (въ особенности въ формѣ *in jure cessio*).

2) Конечно, были возможны случаи несоблюденія формы. Но число такихъ случаевъ едва ли было сколько нибудь значительно. Сила привычки, перешедшей въ обычай, заставляла мириться съ существующими формами, тѣмъ болѣе, что участіе третьихъ лицъ при заключеніи сдѣлокъ въ той или другой формѣ было

совершенно необходимо ввиду исключительно словеснаго порядка совершенія ихъ, — въ противномъ случаѣ не было никакой возможности доказать правомѣрный переходъ данной вещи изъ однихъ рукъ въ другія.

III. Ввиду изложеннаго практическое значеніе виндикаціи въ общемъ сводилось къ тому, что она наряду съ *actio furti* — служила формой защиты противъ обогащенія, первоначально возникшаго *ex delicto*.

1) Вопросъ о соотношеніи между виндикаціей и *actio furti* и въ частности о томъ, который изъ обоихъ исковъ возникъ раньше, представляется спорнымъ. Подробный разборъ этого вопроса выходитъ за предѣлы нашей задачи.

Для насъ достаточно констатировать, что оба иска со времени сосуществованія ихъ не исключаютъ, а въ качествѣ формъ защиты собственности противъ правонарушеній дополняютъ другъ друга; объ этомъ прямо свидѣтельствуютъ источники:

1. 54 § 3 D. de furtis 47. 2. (Gajus). Quum furti actio ad poenae persecutionem pertineat, condictio vero (sc. furtiva) et vindicatio ad rei recuperationem, apparet, recepta re nihilominus salvam esse furti actionem, vindicationem vero et condictionem tolli, sicut ex diverso, post solutam dupli aut quadrupli poenam, salva est vindicatio et condictio.

Это вполне естественно: оба иска удовлетворяютъ совершенно различнымъ потребностямъ: виндикація (первоначально безусловно, впоследствии условно) направлена на возвратъ самой похищенной вещи, (ср. Gaj.

Inst. IV § 48 i. f., 163; § 31 J. de action. 4. 6; ср. § 2 J. de off. jud. 4. 17), *actio furti* — исключительно на взысканіе штрафа. Обѣ потребности должны были сказаться очень рано. Выработка двухъ самостоятельныхъ притязаній для удовлетворенія ихъ вполне объясняется тѣмъ свойствомъ древняго процесса, которое Герингъ выразилъ словами: *ein Process — eine Frage* (Geist des R. R. изд. II т. 3, стр. 22).

2) Весьма понятно, что при такихъ условіяхъ не дѣлалось различія между лицомъ, первоначально похитившимъ вещь, и тѣми лицами, къ которымъ она впоследствии перешла. Съ точки зрѣнія древняго права вопросъ о виновности каждаго даннаго лица рѣшался на основаніи чисто внѣшнихъ критеріевъ: отвѣчаетъ тотъ, кто *prima facie* представляется виновнымъ, въ частности всякій владѣлецъ (Ср. *actio furti concepti* — Gaj. Inst. III § 186). — Практически, такой взглядъ привелъ къ тому, что виндикація получила характеръ вещнаго притязанія и что о вознагражденіи даннаго владѣльца — отвѣтчика за отнятіе у него спорной вещи не могло быть и рѣчи.

Ср. и Герингъ, Geist, т. III, стр. 185 — 192.

§ 12.

Дальнѣйшее развитіе.

Мы видѣли, что виндикація первоначально возникла преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ переходъ вещи изъ однихъ рукъ въ другія являлся результатомъ правонарушенія.

Съ развитіемъ оборота область примѣненія ея значительно расширилась; въ частности она была распространена и на тѣ случаи, для которыхъ въ германскомъ правѣ сложилось правило: „Hand muss Hand wahren“, — явленіе тѣмъ болѣе поразительное, что оно не сопровождалось сколько нибудь существенными ограниченіями объема иска въ интересахъ добросовѣстнаго владѣнія.

I. Ближайшая причина невѣроятнаго распространенія сферы примѣненія виндикаціи заключается въ томъ, что развитіе оборота опередило развитіе юридическихъ дѣлокъ: потребность въ формахъ неполнаго, временнаго, условнаго, препоручительнаго и т. д. отчужденія не нашла себѣ своевременно надлежащаго удовлетворенія.

1) Дѣйствительно, *mancipatio* и *in jure cessio fiduciae causa* не могутъ быть признаны удачнымъ разрѣшеніемъ назрѣвшей проблемы: ввиду формальнаго перехода права собственности на *манципатора* или *цессіонарія манципантъ* и *in jure cedentъ* не были обеспечены даже на случай переотчужденія уступленной вещи со стороны формальнаго собственника ея третьему лицу, знавшему о томъ, что вещь была передана *sub pacto fiduciae*.

А между тѣмъ къ этой формѣ приходилось прибѣгать на каждомъ шагу; вотъ перечень важнѣйшихъ случаевъ *fiduciae cum amico*: (ср. Oertmann, ук. соч. стр. 136):

fiducia при отдачѣ вещи на храненіе; *fiducia* при отдачѣ вещи для пользованія (позднѣйшій *коммодатъ*); *fiducia* при секвестраціи;

fiducia при мандатѣ, при *contractus aestimatorius* и договорѣ товарищества, необходимая для того, чтобы уполномоченный или товарищъ могъ манципировать или *in jure* цедировать вещь въ интересахъ прежняго собственника третьему лицу; *fiducia* въ легисакціонномъ процессѣ; *fiducia* въ качествѣ суррогата условной передачи вещи; *fiducia* при дареніяхъ на срокъ.

Наконецъ, къ этому перечню необходимо еще прибавить *fiducia cum creditore* — съ цѣлью залога.

2) Такое положеніе вещей должно было вызвать реакцію. За отсутствіемъ другой, болѣе пригодной формы стали все чаще прибѣгать къ неформальной передачѣ вещи со стороны ея собственника тому лицу, которое должно было пользоваться ею или хранить ее и т. д.

Неформальная традиція не имѣла первоначально никакого юридическаго значенія: она не служила и не могла служить выраженіемъ сдѣлки, направленной на передачу права собственности, именно благодаря своему неформальному характеру; такое значеніе она получила относительно поздно.

Ср. Фойгтъ, *das jus naturale*, т. III, стр. 207 и сл.

Другихъ же сдѣлокъ, кромѣ сдѣлокъ, направленныхъ на передачу права собственности, не существовало, или, что на практикѣ то-же, онѣ не признавались правомъ.

При такихъ условіяхъ неформальная передача не обязывала собственника ни къ чему, онъ сохранялъ право собственности и вмѣстѣ съ тѣмъ виндикацію.

Съ теченіемъ времени, правда, наступило измѣненіе въ томъ смыслѣ, что было признано самостоятельное юридическое значеніе за соглашеніемъ, лежащимъ въ основаніи традиціи, — другими словами, появился рядъ самостоятельныхъ договоровъ (*commodati, depositi, pigneraticius, locati conducti* и др.), — съ этихъ поръ собственникъ не могъ уже требовать обратно вещи до истеченія срока и т. д. — И дальше сложилось правило, что въ примѣненіи къ *res nec mancipi traditio* можетъ служить способомъ приобрѣтенія собственности. (Ср. Фойгтъ, ук. соч. т. IV, стр. 561—570).

Другими словами, было предоставлено уемотрѣнію договаривающихся сторонъ, какое онѣ желаютъ придать значеніе акту традиціи. Этимъ конечно были удовлетворены интересы непосредственныхъ контрагентовъ, — но нельзя сказать того же объ интересахъ добросовѣстнаго третьяго приобрѣтателя; по отношенію къ нему сохранились все невыгоды прежняго порядка вещей во всехъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ традиція не сопровождалась уступкой права собственности со стороны первоначальнаго собственника.

II. Такой ненормальный порядокъ могъ пустить корни только благодаря индифферентизму, съ которымъ законодательная власть относилась къ вопросамъ гражданскаго права вообще и къ защитѣ интересовъ оборота въ особенности.

Только законъ могъ сломить силу порядка, сложившагося исключительно на основаніи обычая.

Но законъ лишь усугубилъ недостатки этого порядка; онъ установилъ все возрастающій рядъ основаній недѣй-

ствительности слѣлокъ (въ частности въ видахъ ограниченія свободы распоряженія разныхъ категорій лицъ), расширяя этимъ все больше область виндикаціи, но несколько не заботясь притомъ нормировать ближе предѣлы ответственности владѣльца въ зависимости отъ bona или mala fides его.

Правда, позднѣйшая юриспруденція стремилась восполнить этотъ недостатокъ, и притомъ въ двойномъ направленіи: съ одной стороны въ смыслъ расширенія ответственности недобросовѣстнаго владѣльца, — съ другой въ смыслъ ограниченія ответственности добросовѣстнаго владѣльца.

Ср. Фойгтъ, ук. соч. т. III стр. 583—616.

Но въ послѣднемъ отношеніи она дѣйствовала робко и нерѣшительно, и въ частности не отважилась признать право добросовѣстнаго владѣльца, пріобрѣтшаго спорную вещь ex causa operosa, на вознагражденіе за уплаченный эквивалентъ.

III. Нѣкоторымъ коррективомъ противъ практическихъ неудобствъ, вытекающихъ изъ суроваго характера виндикаціи, изстари служила usucapio съ ея краткими сроками давности. Однако практическое значеніе ея ослаблялось прежде всего тѣмъ, что res furtivae были признаны неподлежащими давностному пріобрѣтенію, (Gaj. Inst. II, 49), — а извѣстно, какъ широко толковалось понятіе furtum въ римскомъ правѣ. Сверхъ того usucapio не распространялась на agri provinciales и не была доступна peregrинамъ, (ib. II § 46, 65), — а longi temporis praescriptio мало ограждала интересы добросовѣстныхъ владѣльцевъ ввиду продолжительнаго срока давности.

IV. Наконецъ, необходимо упомянуть еще объ одномъ факторѣ, задержавшемъ естественный ходъ развитія иска о собственности.

Онъ заключается въ своеобразномъ развитіи института отвѣтственности за эвикцію. На немъ мы теперь и остановимся.

§ 13.

Связь между виндикаціей и институтомъ отвѣтственности за эвикцію.

Тѣсная связь между виндикаціей и отвѣтственностью за эвикцію ясна для всякаго. Сущность послѣдняго института состоитъ въ томъ, что онъ является косвенной формой защиты добросовѣтнаго владѣнія *ex causa operosa*.

Очевидно, косвенная форма защиты требуется постольку, поскольку недостаетъ прямой. Другими словами, чѣмъ суровѣе характеръ виндикаціи, тѣмъ большее значеніе долженъ пріобрѣсти въ данной правовой системѣ институтъ отвѣтственности за эвикцію, въ особенности, разъ въ данной общественной средѣ, какъ въ Римѣ, существуетъ оживленный и сложный оборотъ.

Лучшимъ подтвержденіемъ этихъ общихъ соображеній служитъ ходъ развитія этого института въ Римскомъ правѣ.

I. Первый зародышъ нашего института встрѣчается уже въ законодательствѣ XII таблицъ подъ названіемъ *actio auctoritatis*; на основаніи ея манципантъ велучаѣ отнятія вещи у манципатора отвѣчалъ *in duplum*.

Pauli Sent. II, 17 § 3. Res empta mancipatione et traditione perfecta si evincatur, auctoritatis venditor duplo tenus obligatur.

Ср. Baron, Geschichte des R. R. т. I, стр. 137.

Позднѣ стало входить въ обычай при самомъ заключеніи договора купли продажи заключать *stipulatio duplae* на случай эвикціи купленной вещи.

Вскорѣ установилось правило, что покупатель имѣеть право требовать отъ продавца заключенія *stipulatio duplae*.

Ср. l. 37 pr. D. de evict. 21. 2 (Ulpianus). Emtori duplam promitti a venditore oportet, nisi aliud convenit . . .

И дальше юриспруденція признала, что если покупатель забылъ своевременно потребовать заключенія *stipulatio duplae*, онъ можетъ предъявить это требование позднѣе.

l. 11 § 8 D. de A. E. V. 19. 1. (Ulp.) Idem Neratius (ait) . . . ex emto actionem esse, ut habere licere emtori caveatur . . .

Ср. l. 31 § 20 D. de aed. ed. 21. 1. (Ulpianus). Quia assidua est duplae stipulatio, idcirco placuit, etiam ex emto agi posse, si venditor mancipii non caveat; ea enim, quae sunt moris et consuetudinis, in bonae fidei judiciis debent venire.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было признано, что покупатель имѣеть право непосредственно искать съ продавца *quanti ejus interest* на случай эвикціи.

l. 8 D. de evict. 21. 2 (Julianus). Venditor hominis emptori praestari debet, quanti ejus interest hominem venditoris fuisse.

l. 60 eod. (Javolenus). Si in venditione dictum non sit, quantum venditorem pro evictione praestare oporteat, nihil venditor praestabit praeter simplam evictionis nomine, et ex natura ex emto actionis hoc quod interest.

Наконецъ, положенія, выработанныя въ примѣненіи къ куплѣ - продажѣ, были распространены на другіе, сходные случаи.

Ср. Баронъ, Pandekten, изд. 7ое, 1890 г., стр. 406.

II. И такъ, исторія ответственности за эвикцію заканчивается тѣмъ, что за приобрѣтателемъ признается по закону право требовать вознагражденія за весь свой интересъ, т. е. за весь прямой и косвенный убытокъ на случай эвикціи приобрѣтенной имъ вещи; при этомъ конечно предполагается, что онъ не зналъ о томъ, что купилъ чужую вещь (l. 27 Cod. de evict. 8, 44), и что не было заключено pactum de non praestanda evictione.

Нельзя не замѣтить, что это положеніе ввидѣ общей законной нормы представляется чрезвычайно суровымъ съ точки зрѣнія интересовъ добросовѣстнаго продавца. — Дѣйствительно, вполне понятно, что продавецъ отвѣчаетъ за прямой убытокъ отъ эвикціи проданной вещи, и въ частности обязанъ вернуть покупную плату, разъ покупатель не имѣетъ права требовать возврата ея у видящагого соб-

ственника : въ этихъ предѣлахъ продавецъ можетъ считаться обогатившимся насчетъ покупателя, ибо не продай онъ вещи, она была бы отнята у него самаго. Но какія могутъ быть приведены основанія въ пользу расширенія отвѣтственности его за этотъ предѣлъ, разъ только онъ самъ (объективно и субъективно) дѣйствовалъ *bona fide*? Обѣ стороны — и покупатель, и продавецъ, одинаково заинтересованы въ заключеніи сдѣлки, обѣ одинаково знаютъ, что нѣтъ безусловной гарантіи противъ возможности эвикціи со стороны третьяго лица (по крайней мѣрѣ при римскихъ порядкахъ).

Почему же въ такомъ случаѣ весь рискъ отъ заключенія сдѣлки долженъ непременно, помимо всякаго особаго о томъ соглашенія, падать на одного продавца?

Намъ думается, что причина этого явленія опять-таки чисто историческая. Оборота не могъ обходиться безъ серьезной гарантіи интересовъ добросовѣстнаго пріобрѣтателя.

Прямой же гарантіи въ смыслѣ надлежащаго ограниченія предѣловъ примѣненія и объема виндикаціи въ пользу добросовѣстнаго владѣнія не существовало.

Пришлось прибѣгнуть къ самопомощи. Она выразилась въ обычаѣ заключать *stipulatio duplae*; о степени распространенія его прямо свидѣтельствуется вышеприведенный фрагментъ Ульпіана (l. 31, § 20 D. de aed. ed. 21. 1): *assidua est duplae stipulatio*. Происхожденіе этого обычая вполне объясняется безвыходнымъ положеніемъ продавца: конкуренція заставляла его идти на всякія уступки.

Законъ и въ данномъ случаѣ не шель ему на помощь. А практика въ лицѣ юриспруденціи, руководствуясь очевидно желаніемъ по возможности оградить интересы добросовѣтнаго владѣнія, и не понявъ корня зла или не чувствуя себя въ силахъ переконструировать виндикацію, открыто стала на сторону сильнѣйшаго и придала тому, что носило характеръ добровольнаго соглашенія, значеніе общеобязательной нормы: *ea enim, quae sunt moris et consuetudinis, in bonae fidei iudiciis venire debent* (l. 32 § 20 cit.). Взамѣнъ всего этого, пострадавшему продавцу было предоставлено съ своей стороны искать убытки съ своего аuctor'a и т. д., — право, на практикѣ довольно трудно осуществимое.

Ср. l. 39 § 1. l. 61. l. 71 D. de evict. 21. 2.

Дернбургъ, Pandekten т. II стр. 262.

III. Конечно, съ точки зрѣнія добросовѣтнаго приобрѣтателя широкая отвѣтственность аuctor'a за эвикцію въ значительной степени искунала невыгоды, какимъ онъ подвергался вслучаѣ предъявленія къ нему виндикаціи. И въ этомъ смыслѣ институтъ отвѣтственности за эвикцію въ той формѣ, въ какую онъ вылился въ Римскомъ правѣ, несомнѣнно представляетъ одинъ изъ факторовъ, задержавшихъ правильный ходъ развитія иска о собственности.

§ 14.

Результаты. Причины своеобразнаго развитія *hereditatis petitionis*.

I. Предшествующее изложеніе привело насъ къ слѣдующимъ двумъ общимъ выводамъ:

1) Виндикація первоначально служила почти исключительно формой защиты противъ обогащенія, возникшаго изъ имущественнаго правонарушенія непосредственно обогатившагося лица.

Этимъ въ связи съ раннимъ появленіемъ иска объясняется, почему *bona fides* владѣльца-отвѣчика не оказывала вліянія на размѣръ отвѣтственности его предъ собственникомъ.

2) Дальнѣйшая исторія виндикаціи характеризуется двумя моментами:

съ одной стороны необычайнымъ внѣшнимъ развитіемъ (въ смыслѣ чрезмѣрнаго распространенія сферы дѣйствія иска);

съ другой — далеко недостаточнымъ внутреннимъ развитіемъ: не было создано надлежащихъ ограниченій объема иска въ пользу добросовѣстнаго владѣнія.

Последнее объясняется главнымъ образомъ двумя причинами: бездѣйствіемъ законодательной власти и своеобразнымъ развитіемъ института отвѣтственности за эвикцію.

II. Остальныя вещныя притязанія, возникшія въ позднѣйшее время — *actio Publiciana*, *actio hypothecaria*, *vectigalis in rem actio* и т. д. — усвоили всѣ существенныя черты своего прототипа, — виндикаціи.

III. Исключение, и притомъ очень рѣзкое, составляетъ одна только *hereditatis petitio* (l. 36 § 4 D. de H. P. 5. 3).

Мы не можемъ обойти молчаніемъ вопросъ о томъ, почему именно этотъ искъ, который несомнѣнно тоже долженъ былъ возникнуть довольно рано, представляетъ уклоненіе отъ всѣхъ другихъ вещныхъ притязаній.

При разрѣшеніи этого вопроса необходимо имѣть ввиду два обстоятельства:

1) Принципіальное ограниченіе отвѣтственности добросовѣстнаго наслѣдовладѣльца размѣромъ наличнаго его обогащенія появилось лишь въ императорскомъ періодѣ, на основаніи извѣстнаго *Senatusconsultum Juventianum*, изданномъ при Гадрианѣ. — До этого времени не дѣлалось принципіальнаго различія между *bonae* и *malae fidei possessor hereditatis*.

Ср. *Lammfronn*, *Beiträge zur Geschichte der Erbschaftsklage*, 1887, стр. 96 и сл.

Это положеніе представляетъ собою такимъ образомъ плодъ позднѣйшей рефлексіи.

2) Указанное положеніе совпадаетъ во времени съ другимъ постановленіемъ, въ силу котораго *usucapio pro herede* признается недѣйствительной по отношенію къ настоящему наслѣднику.

Ср. *Gaj. Inst. II, 57. Sed hoc tempore jam non est lucrativa (sc. usucapio pro herede). Nam ex auctoritate Hadriani senatusconsultum factum est, ut tales usucapiones revocarentur. Et ideo potest heres ab eo, qui rem usucepit,*

hereditatem petendo proinde eam rem consequi, atque si usucapta non esset.

Ср. и Lammfronm, ук. соч. стр. 124.

Другими словами, введение прямой формы защиты интересовъ добросовѣстнаго наслѣдовладѣнія совпадаетъ съ отмѣной косвенной формы защиты ихъ.

Пока существовала usucapio pro herede, на которую, какъ извѣстно, не распространялись ограничительныя постановленія, стѣняющія обыкновенную usucapio, наслѣдовладѣлецъ (притомъ какъ добросовѣстный такъ и недобросовѣстный) всего по истеченіи года становился наслѣдникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всякіе счеты съ настоящимъ наслѣдникомъ прекращались сами собою.

Но съ паденіемъ этого института положеніе наслѣдовладѣльца должно было измѣниться кореннымъ образомъ.

Оставить же интересы добросовѣстнаго possessor pro herede безъ всякой защиты было немыслимо.

При сложномъ и запутанномъ характерѣ римскаго наслѣдственнаго права случаи добросовѣстнаго владѣнія pro herede должны были встрѣчаться слишкомъ часто, чтобъ не вызвать настоятельной потребности въ урегулированіи этого вопроса.

Римская юриспруденція прекрасно поняла всю практическую важность подлежащей постановки этого вопроса: разрѣшеніе, которое она предложила, какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ о ея глубокомъ пониманіи интересовъ оборота и о ея умѣніи удовлетворять имъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ въ данномъ, нельзя было

обходить щекотливый вопрос созданиемъ новыхъ косвенныхъ коррективовъ.

При этомъ она, чтобъ оградить себя отъ всякихъ нареканий и обезпечить успѣхъ дѣла въ будущемъ, сочла нужнымъ обратиться къ содѣйствию законодательной власти. Въ результатъ всего этого явился *SC. Juvencianum*, проложившій первую серьезную брешь въ систему вещныхъ притязаній.

Глава II.

Современныя кодификаціи.

§ 15.

Общія замѣчанія.

Римское право, отличаея строго индивидуалистическимъ характеромъ, мало обращало вниманія на интересы оборота. Равнодушное отношеніе къ нимъ особенно невыгодно отозвалось на системѣ римскихъ вещныхъ правъ (въ особенности на залоговомъ правѣ).

Совсѣмъ противоположное явленіе наблюдается въ современныхъ законодательствахъ: вездѣ защита интересовъ оборота выдвигается на первый планъ.

Новое движеніе коснулось между прочимъ и иска о собственности противъ добросовѣстнаго владѣльца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣсно связаннаго съ нимъ иска *ex evictione*.

Въ частности, слѣдуетъ обратить вниманіе на три пункта:

а) ограниченіе сферы примѣненія виндикаціи;
 б) приближеніе ея къ типу чистыхъ исковъ объ обогащеніи черезъ введеніе т. н. *Lösungsanspruch*;
 в) ограниченіе отвѣтственности добросовѣтнаго продавца *ex evictione* т. е. смягченіе суроваго характера косвенной формы защиты добросовѣтнаго владѣнія благодаря появленію прямыхъ формъ ея. — Конечно, процессъ развитія, о которомъ идетъ рѣчь, пока еще не законченъ. Даже больше, — не вездѣ и не во всѣхъ отношеніяхъ новое движеніе развивается одинаково послѣдовательно, нерѣдко даже оно встрѣчаетъ противодѣйствующія теченія.

Но вѣдь мы и желаемъ отмѣтить лишь общую тенденцію этого новаго движенія, заранѣе отказываясь выставить формулу, непосредственно пригодную для практики. А для такой цѣли и не требуется имѣть дѣло съ законченнымъ процессомъ развитія.

Въ заключеніе этихъ общихъ замѣчаній мы позволимъ себѣ сдѣлать еще одну оговорку: въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не коснемся вопроса о вліяніи принциповъ германскаго права на формулировку разбираемыхъ нами положеній. Если и нельзя отрицать этого вліянія, оно все таки далеко не имѣетъ того важнаго значенія, какое ему нерѣдко приписываютъ. Къ тому же для насъ въ данномъ случаѣ важно констатировать не столько всѣ отдѣльные факторы даннаго движенія, сколько существованіе и формы проявленія самого движенія.

Мы обратимся теперь къ разсмотрѣнію указанныхъ нами трехъ пунктовъ.

§ 16.

Ограниченіе области примѣненія виндикаціи.

Область примѣненія виндикаціи подверглась ограниченію въ двоякомъ отношеніи :

I. Съ одной стороны состоялась важная реформа, заключающаяся въ введеніи системы поземельныхъ книгъ.

Правда, эта система введена не повсемѣстно, но и въ тѣхъ странахъ, гдѣ пока обходятся безъ нея, вопросъ о введеніи ея стоитъ на очереди. Цѣлесообразность и пригодность принципа, лежащаго въ ея основѣ, не оспаривается никѣмъ, — споръ касается лишь отдѣльныхъ, частныхъ пунктовъ, подробностей порядка осуществленія ея началъ. — Сущность этой системы, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что добросовѣстный пріобрѣтатель недвижимаго имѣнія становится полнымъ хозяиномъ его, разъ его аuctor значился по книгѣ собственникомъ имѣнія. Другими словами, по отношенію къ такимъ лицамъ отпадаетъ право виндикаціи первоначальнаго собственника, который сохраняетъ лишь въ извѣстныхъ случаяхъ искъ объ убыткахъ противъ отчуждателя — аuctor'a. Этимъ достигается конечно безусловное обезпеченіе добросовѣстнаго пріобрѣтенія.

Большинство законодательствъ ограничиваетъ впрочемъ дѣйствіе этого правила случаями возмезднаго пріобрѣтенія недвижимостей. Такое ограниченіе нельзя не признать вполне цѣлесообразнымъ.

Ср. прусск. законъ о приобрѣтеніи недвижимо-стей отъ 5. Мая 1872 г. § 9. Запись о переходѣ права собственности и ея послѣдствія могутъ быть оспорены на общемъ основаніи (nach den Vorschriften des bürgerlichen Rechts). Однако права, приобрѣтенныя въ промежуточное (т. е. между внесеніемъ записи и предъявленіемъ спора) время третьими лицами возмездно и въ доброй вѣрѣ въ правильность поземельной книги, остаются въ силѣ.

Ср. тамъ же § 38.

Grundbuchordnung отъ 5. Мая 1872 г. § 118.

Нѣкоторыя законодательства, въ томъ числѣ саксонское гражданское уложеніе (§ 278, 429) идутъ дальше и распространяютъ силу этого правила и на случаи безвозмезднаго приобрѣтенія.

Къ нимъ примыкаетъ проектъ гражданского уложенія для германской имперіи § 837.

Составители проекта въ мотивахъ къ нему (т. III стр. 212) въ особенности ссылаются на то, что въ противномъ случаѣ всякому приобрѣтателю ex causa operosa грозила бы опасность подвергаться безпокойствамъ отъ предъявленія неосновательныхъ придирокъ и споровъ. („Gefahr durch frivole und chicanöse Angriffe in dem ruhigen Genusse des entgeltlich erworbenen Rechts gestört zu werden“).

Такая аргументація едва ли можетъ быть признана правильною.

Прежде всего, если разсуждать такъ, то почему

въ тѣхъ же видахъ не распространить дѣйствіе § 837 и на случаи пріобрѣтеній, совершенныхъ mala fide.

Но и помимо сего, слѣдуетъ предложить себѣ вопросъ, неужели такъ ужъ трудно доказать возмездный характеръ пріобрѣтенія недвижимостей? Едва ли можно дать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ: несомнѣнно въ громадномъ большинствѣ случаевъ пріобрѣтатель въ состояніи представить документы, безспорно свидѣтельствующіе объ уплатѣ имъ покупной цѣны, такъ какъ всякому важно заручиться такими документами уже въ видахъ предотвращенія спора со стороны непосредственнаго контрагента — аuctor'a.

Но еслибы даже для пріобрѣтателя ex causa operosa было затруднительнѣе доказать возмездное основаніе перехода недвижимости, чѣмъ это оказывается на практикѣ, нельзя же совершенно пренебрегать интересами прежняго собственника: а къ такому пренебреженію безъ нужды приводитъ распространеніе § 837 на случаи всякаго, не только возмезднаго, но и безвозмезднаго пріобрѣтенія, разъ только пріобрѣтатель дѣйствовалъ bona fide.

II. Сверхъ указанной реформы состоялась другая, не менѣе важная. Мы говоримъ объ ограниченіи области виндикаціи по отношенію къ движимымъ вещамъ, (къ которымъ должны быть причислены и современные формальныя письменныя обязательства вродѣ векселей, бумагъ на предъявителя и т. д.).

1) Дальше всего ушло въ этомъ отношеніи французское право. („En fait de meubles, la possession vaut titre.“)

Code civ. ст. 2279. Относительно движимостей владѣніе замѣняетъ всякое основаніе. Однако тотъ, кто потерялъ вещь или у кого она украдена, можетъ виндицировать ее въ теченіи трехъ лѣтъ, начиная со дня потери или кражи, у каждаго, въ рукахъ котораго онъ ее находитъ; причѣмъ за послѣднимъ сохраняется право регресса противъ того, отъ кого ему досталась вещь.

Нѣсколько осторожнѣе высказываются системы германскаго типа.

Герм. Торг. Улож. § 306. Если товаръ или другія движимыя вещи отчуждены и переданы купцомъ при отправленіи имъ торговли, (im Handelsbetriebe), то добросовѣстный пріобрѣтатель получаетъ право собственности, если даже отчуждающій не былъ собственникомъ.

Прежнее право собственности прекращается. Всякое прежнее закладное и другое вещное право прекращается, если пріобрѣтатель не зналъ о немъ въ моментъ пріобрѣтенія.

Эта статья не находитъ себѣ примѣненія, если вещи были украдены или потеряны.

Авст. Гр. Ул. § 367. Искъ о собственности не допускается противъ добросовѣстнаго владѣльца движимой вещи, если онъ докажетъ, что онъ пріобрѣлъ эту вещь либо съ публичнаго торга, либо отъ лица, торгующаго такими вещами, либо возмездно отъ такого лица, которому самъ истецъ передалъ вещь для пользованія,

храненія или ради иной цѣли. Въ такихъ случаяхъ добросовѣстными владѣльцами пріобрѣтается право собственности, и прежніе собственники сохраняютъ лишь право требовать возмѣщенія убытковъ отъ лицъ, отвѣтственныхъ предъ ними.

Ср. также Св. мѣстн. уз. губ. остз. ч. III ст. 923. Искъ о собственности не имѣетъ мѣста, когда движимая вещь, которую ея собственникъ добровольно ввѣрилъ постороннему лицу, отдачею ему въ ссуду, на сохраненіе, въ закладъ или инымъ образомъ, будетъ этимъ постороннимъ передана во владѣніе третьему лицу. Въ этомъ случаѣ допускается только личный искъ къ тому, которому собственникъ ввѣрилъ свою вещь, но отнюдь не къ третьему, добросовѣстному владѣльцу. (Впрочемъ, статьями 924—926 допущены нѣкоторыя исключенія изъ этого принципа.)

2) На римской точкѣ зрѣнія стоятъ Прусское земское правѣ и Саксонское гражданское уложеніе.

Ср. Пр. 3. Пр. ч. 1 тит. 10 § 3. Титулированный новый владѣлецъ пріобрѣтаетъ право собственности на вещь черезъ передачу ея по общему правилу въ томъ лишь только случаѣ, если прежній владѣлецъ, отъ котораго владѣніе перешло къ нему, самъ былъ собственникомъ. ч. I. тит. 15 § 1. Настоящій собственникъ имѣетъ право виндицировать у каждаго облада-

теля и владѣльца свою вещь, которая помимо его воли изъята изъ его храненія.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ (знакомыхъ отчасти и Римскому праву), допускается изъятіе изъ этого общаго правила.

ч. I т. 15 § 42. — относительно вещей, купленныхъ фискомъ или съ публичнаго торга.

тамъ же § 45 — относительно звонкой монеты. Ср. Сакс. Гр. Ул. § 254 и 295 (общій принципъ) и § 296 (изъятіе относительно звонкой и бумажной монеты и публичныхъ цѣнныхъ бумагъ на предъявителя).

Сходной точки зрѣнія придерживается и нашъ X т. Св. Зак. Гр. ст. 691.

3) Весьма значительно суживается область вѣдикаціи по проекту германскаго уложенія (кн. III разд. IV, титулъ 3, о приобрѣтеніи права собственности на движимыя вещи, §§ 877—880).

§ 877. Если отчуждающій не былъ собственникомъ вещи, приобрѣтатель же не зналъ этого обстоятельства въ моментъ приобрѣтенія, и незнаніе его не основано на грубомъ нерадѣніи, то приобрѣтатель получаетъ . . . право собственности . . .

§ 878. Съ момента перехода права собственности на приобрѣтателя прекращаются и всѣ остальные права на вещь, если они не были извѣстны приобрѣтателю въ моментъ приобрѣтенія, и если незнаніе его не объясняется грубымъ нерадѣніемъ. . . .

§ 879. Правила, изложенныя въ §§ 877, 878, не находятъ себѣ примѣненія, если пріобрѣтеніе произошло на основаніи § 874 al. 3 безъ традиціи (т. е. въ случаѣ т. наз. *brevi manu traditio* и аналогичныхъ случаяхъ), или если традиція произошла на основаніи § 805 (т. е. въ случаѣ т. наз. *constitutum possessorium*). Они далѣе не находятъ себѣ примѣненія, если отчужденная вещь была украдена или потеряна или какимъ либо инымъ образомъ помимо воли собственника или того лица, кто держалъ вещь собственника, изъята изъ его храненія (*Innehabung*); за исключеніемъ однако тѣхъ случаевъ, когда отчуждены деньги или бумага на предъявителя, или когда отчужденіе другой вещи произошло въ порядкѣ публичнаго аукціона черезъ мѣстнаго судебнаго пристава или другаго чиновника, уполномоченнаго производить аукціоны, или чрезъ публично назначеннаго аукціонатора.

Ср. Мотивы къ проекту, т. III стр. 341 и слѣд.

Не безынтересно замѣтить, что составители проекта пытаются доказать, что принятый ими принципъ въ сущности не представляетъ особаго уклоненія отъ началъ римскаго права. Охарактеризовавъ сначала римское начало: *nemo plus juris transferre potest quam ipse habet*, они продолжаютъ: „Противоположный принципъ состоитъ въ томъ, что разъ имѣются на лицо всѣ остальные условія договора о переходѣ права собственности, въ особенности если исполнено требованіе передачи, то недостатокъ права (*Rechtsmangel*) въ лицѣ

отчуждающаго по общему правилу не принимается въ расчетъ. На случай недобросовѣтнаго приобрѣтенія вездѣ дѣлается исключеніе (только французское право возбуждаетъ сомнѣніе). Дальнѣйшее исключеніе, встрѣчающееся тоже почти вездѣ, касается того случая, когда собственникъ лишился отчужденной вещи помимо своей воли, когда слѣдовательно нѣтъ на лицо случая, подпадающаго подъ дѣйствіе правила германскаго права: „Hand wahre Hand.“ Получаемая такимъ образомъ постановка вопроса въ результатѣ не особенно разнится отъ римской постановки. Если откинуть при послѣдней требованіе истеченія приобрѣтательной давности и принять въ расчетъ исключеніе приобрѣтательной давности относительно *res furtiva*, то въ общемъ получается та постановка вопроса, которую принято называть германской“ (Мотивы т. III стр. 342).

Очевидная натяжка въ этомъ разсужденіи настолько бросается въ глаза, что оно не требуетъ никакого опроверженія.

Такимъ образомъ и по отношенію къ движимымъ вещамъ въ цѣломъ рядѣ новыхъ кодификацій область виндикаціи болѣе или менѣе сужена. Насколько правильно разрѣшенъ этотъ вопросъ въ различныхъ системахъ, — мы здѣсь разбирать не станемъ, такъ какъ это выходитъ за предѣлы нашей задачи. Нельзя однако не повторить, что исключеніе всякаго притязанія противъ добросовѣтнаго приобрѣтателя *ex causa lucrativa*, какъ оно принято французскимъ правомъ и предполагается къ введенію по проекту германскаго уложенія, представляется неправильнымъ и нисколько не оправдывается интересами оборота.

III. Въ связи съ только что разсмотрѣнной въ двухъ направленіяхъ тенденціей современнаго права къ ограниченію области виндикаціи находится еще слѣдующее обстоятельство: въ нѣкоторыхъ кодификаціяхъ изъ числа условій пріобрѣтательной давности исключенъ *justus titulus*, — признается достаточнымъ *bona fides*, вслѣдствіе чего область этого института очевидно расширяется.

Ср. напр. проектъ Герм. ул. § 881, см. и § 888.
Мотивы къ пр. III, стр. 350 и сл.

§ 17.

Ограниченіе объема виндикаціи противъ добросовѣстнаго владѣльца (постепенный переходъ этого иска въ искъ объ обогащеніи).

Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ допускается еще предъявленіе виндикаціи противъ добросовѣстнаго владѣльца, сказывается стремленіе къ ограниченію степени ответственности его размѣромъ наличнаго обогащенія, хотя это послѣднее начало пока ни однимъ законодательствомъ не проведено послѣдовательно.

1) Наиболее характернымъ признакомъ этой тенденціи современнаго права служить установленіе того правила, что собственникъ, предъявляющій виндикацію противъ добросовѣстнаго владѣльца, можетъ требовать выдачи вещи не иначе, какъ вознаградивъ владѣльца за эквивалентъ, взамѣнъ котораго тотъ въ свое время пріобрѣлъ вещь (т. наз. *Lösungsanspruch*).

Такъ, Прусское земское право опредѣляетъ:

ч. I тит. 15 § 25. Тотъ кто отъ надежнаго лица, на основаніи возмезднаго договора, прі-

обрѣлъ вещь, которой лишился настоящій собственникъ или владѣлецъ, долженъ тоже ее возвратить;

тамъ-же, § 26. Но онъ въ свою очередь можетъ требовать возмѣщенія всего того, что онъ замѣнъ нея далъ или исполнилъ (*gegeben oder geleistet*).

Это важное право добросовѣстнаго владѣльца въ французскомъ правѣ и по саксонскому уложенію значительно сѣужено.

Code civ. art. 2280. Если владѣлецъ украденной или потерянной вещи купилъ эту вещь на ярмаркѣ или на рынкѣ, или съ публичнаго торга или отъ купца, торгующаго подобными вещами, то первоначальный собственникъ не можетъ требовать выдачи вещи иначе, какъ вернувъ владѣльцу цѣну, которую онъ за нее заплатилъ.

Сакс. Ул. § 314. Необходимымъ расходомъ на вещь считается и цѣна, которую владѣлецъ заплатилъ при приобрѣтеніи ея, разъ самое приобрѣтеніе послѣдовало при такихъ обстоятельствахъ, ввиду которыхъ слѣдуетъ признать, что посредствомъ приобрѣтенія вещи владѣльцемъ истецъ сохранилъ возможность охранить свое право собственности судебнымъ порядкомъ. Въ частности это слѣдуетъ признать, когда приобрѣтены отъ непріятели вещи, составлявшія его военную добычу (*erbeutete Sachen*).

§ 315. Въ другихъ случаяхъ отвѣтчикъ не можетъ требовать возмѣщенія уплаченной за

вещь цѣны, если только онъ не приобрѣлъ эту вещь съ публичнаго торга, который произведенъ присутственнымъ мѣстомъ или лицомъ, обязаннымъ производить публичные торги, — или же если онъ ее приобрѣлъ въ доброй вѣрѣ на ярмаркѣ или на рынкѣ отъ лица, уполномоченнаго къ производству торговли.

Равнымъ образомъ Сводъ мѣстн. узак. губ. остзейск. лишь въ видѣ исключенія допускаетъ право требовать возмѣщенія суммы, заплаченной добросовѣстнымъ владѣльцемъ за вещь, виндицируемую у него собственникомъ.

Ср. ч. III. ст. 921. Передача вещи ея собственнику совершается безвозмездно; даже владѣвшій ею въ доброй вѣрѣ не вправе требовать отъ собственника возмѣщенія суммы, заплаченной за ту вещь, но можетъ съ этимъ требованіемъ обратиться къ лицу, отъ котораго она была имъ приобретена.

Ст. 922. Въ видѣ исключенія, отвѣтчику предоставляется требовать возмѣщенія суммы, уплаченной имъ за вещь:

1) когда эта сумма была употреблена въ пользу истца; 2) когда вещь была приобретена отвѣтчикомъ именно съ намѣреніемъ сохранить ее для истца, который иначе, при данныхъ обстоятельствахъ, навсегда бы ее утратилъ; 3) когда отвѣтчикъ выкупилъ вещь отъ непріятеля, захватившаго ее въ добычу.

Ср. также ст. 924—926.

Нельзя впрочемъ, не замѣтить, что и Римское право въ двухъ исключительныхъ случаяхъ признало

право добросовѣстнаго владѣльца ex causa onerosa требовать возмѣщенія покупной платы.

Ср. l. 16. Cod. de praediis 5. 71 (Impp. Diocletianus et Maximianus Eutychie). Si praedium rusticum vel suburbanum, quod ab urbanis non loco, sed qualitate secernitur, in pupillari aetate constituta tutore auctore, vel adulta sine decreto praesidis provinciae, in qua situm est, venundedisti, secundum sententiam senatusconsulti dominium ejus a te discedere non potuit, sed vindicationem ejus et fructuum, vel his non existentibus condictionem competere constitit.

Emtor autem, si probare potuerit, ex ceteris facultatibus obedire te muneribus sive oneribus non potuisse, ad utilitates praeterea tuas cessisse pecuniam, quam pretii nomine sumseras, doli exceptionis auxilio pretium cum usuris, quas praestitura esses, et sumtus meliorati praedii servare tantummodo potest.

l. 6 D. de capt. 49. 15. (Pomponius libro I ex variis lectionibus). Mulier in opus salinarum ob maleficium data, et deinde a latronculis exterae gentis capta, et jure commercii vendita ac redempta, in causam suam recidit; Coccejo autem Firmo centurioni pretium ex fisco reddendum est.

Нашъ 10 Т. Св. Зак. Гр. умалчиваетъ о такомъ правѣ добросовѣстнаго владѣльца и слѣдовательно не признаетъ его.

Зато, проектъ германскаго уложенія устанавливаетъ *Lösungsanspruch* въ качествѣ общаго правила.

Ср. Entw. § 939. Если владѣлецъ движимой вещи, переданной ему со стороны несовладельника, не приобрѣлъ на нее права собственности лишь по силѣ правилъ, изложенныхъ въ § 879 al. 2 (т. е. потому что вещь украдена или потеряна и т. д.), то онъ можетъ требовать отъ собственника возмѣщенія того, что взаменъ приобретенія вещи уступилъ или еще обязанъ уступить отчуждающему, однако не свыше цѣнности, какую представляетъ вещь въ моментъ ея выдачи за вычетомъ затратъ на нее, за которыя съ собственника слѣдуетъ вознагражденіе.

Это притязаніе владѣльца предполагаетъ выдачу имъ вещи вѣндицирующему собственнику. Владѣлецъ имѣетъ въ связи съ этимъ притязаніемъ право удержать вещь (*Zurückbehaltungsrecht*). Но разъ онъ не заявилъ о своемъ притязаніи и объемъ его до момента выдачи вещи собственнику, притязаніе прекращается . . .

Ср. Мотивы III, стр. 417, а также § 940.

Важное значеніе, какое имѣетъ для оборота эта непосредственная форма защиты интересовъ добросовѣстнаго владѣльца, само собою бросается въ глаза.

Спорнымъ представляется лишь вопросъ о томъ, насколько справедливо допущеніе такого встречнаго требованія владѣльца противъ собственника въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вещь была изъята изъ имущества собственника помимо его воли, напр. украдена, потеряна

и т. д. (т. е. въ случаяхъ, выходящихъ за предѣлы германскаго правила *Hand wahre Hand*).

Въ пользу недопущенія встрѣчнаго требованія со стороны владѣльца обыкновенно указываютъ на то, что въ такихъ случаяхъ собственникъ не повиненъ въ утратѣ вещи и поэтому не слѣдуетъ затруднять возможность полученія вещи обратно безъ особыхъ жертвъ. — Но вѣдь и добросовѣтный пріобрѣтатель ни въ чемъ не повиненъ, разъ онъ не только субъективно, но и объективно *in bona fide*, т. е. не зналъ и по обстоятельствамъ дѣла не могъ знать, что его *auctor* — не-собственникъ. И дальше, — самое предположеніе, что собственникъ въ такихъ случаяхъ терпитъ убытокъ безъ всякой вины съ своей стороны, не можетъ быть признано безспорнымъ, — въ громадномъ большинствѣ случаевъ вина его не можетъ подлежать сомнѣнію: квартира осталась безъ надзора и въ нее забрались воры, потерпѣвшій вышелъ одинъ на пустынную дорогу и его ограбили, и т. д.

При такихъ условіяхъ очевидно справедливость требуетъ не перелagать убытка на третье лицо, добросовѣтно пріобрѣтшее вещь, а обязать собственника вознаградить это лицо за убытокъ отъ эвикціи вещи путемъ возмѣщенія этому лицу платы, выданной имъ за вещь, тѣмъ болѣе, что собственникъ конечно сохраняетъ право искать убытки съ виновника кражи, грабежа и т. д. Если же это такъ, то отсюда прямо слѣдуетъ: *in dubio pro possessore*, а осуществленіе этого принципа на практикѣ приводитъ къ установленію общаго права добросовѣтнаго владѣльца требовать возмѣщенія покупной платы.

2) Въ связи съ разобраннымъ нами вопросомъ нельзя не указать на другое улучшеніе въ положеніи добросовѣстнаго владѣльца, хотя оно для насъ имѣетъ лишь косвенное значеніе. Это — переходъ *jus retentionis propter impensas* въ самостоятельное притязаніе.

Ср. напр. пр. герм. ул. § 936—938.

Мотивы къ пр. III, стр. 411 и сл.

§ 18.

Ограниченіе отвѣтственности продавца *ex evictione*.

Исторія этого вопроса представляетъ чрезвычайно любопытное доказательство въ пользу нашей теоріи.

Мы уже указывали на значеніе отвѣтственности продавца *ex evictione*, — это косвенная форма защиты интересовъ добросовѣстнаго владѣльца. Въ исторіи этого института можно прослѣдить слѣдующіе фазы:

I. Продавецъ отвѣчаетъ за весь убытокъ, причиненный покупщику эвикціей, — какъ прямой, такъ и косвенный.

Таково положеніе вопроса въ Римскомъ правѣ.

Ср. l. 8 D. de evictionibus 21. 2 (Julianus l. XV Digestorum).

Venditor hominis emptori praestari debet, quanti ejus interest hominem venditoris fuisse . . .

l. 60 eod. — l. 68 eod.

Исключеніе составляетъ случай продажи вещи кредиторомъ по залогу; онъ по общему правилу не отвѣчаетъ предъ покупщикомъ *ex evictione*.

l. 1 Cod. cred. evict. non debere 8. 46. (Imp. Alexander 223 r.). Quum jure creditoris propter fisci debita praedium obligatum procurator meus vendidit, evictio non debetur, quia et privatus creditor eodem jure utitur, nisi nominatim hoc repromissum a privato fuerit. — Si tamen fiscus in jus alterius creditoris successit, emtori non justa fisci nomine movetur controversia, sive quia potior fuerat, quando vendebat, sive quia infirmior, quoniam hoc utique praestare debet, qui pignoris jure vendat, potiozem se ceteris esse creditoribus.

Сюда же относится случай, предусмотрѣнный знаменитой l. 25 § 17 D. de hered. pet. 5. 3 (Ulpianus l. XV ad edictum):

Item si rem distraxit bonae fidei possessor, nec pretio factus sit locupletior, an singulae res, si nondum usucaptae sint, vindicare petitor ab emtore possit? et si vindicet, an exceptione non repellatur: „quod praejudicium hereditati non fiat inter actorem et eum, qui venundedit,“ quia non videtur venire in petitionem hereditatis pretium earum, quamquam victi emtores reversuri sunt ad eum, qui distraxit? et puto res posse vindicare, nisi emtores regressum ad bonae fidei possessorem habent: quid tamen si is, qui vendidit, paratus sit defendere hereditatem, ut perinde atque si possideret conveniatur? incipit exceptio locum habere ex persona emtorum. Certe

si minori pretio res venierint et pretium quodcumque illud actor sit consecutus, multo magis poterit dici exceptione eum summoverti.

Сверхъ того, Юстиніанъ опредѣлилъ, что при исчисленіи убытка стоимость отсужденной вещи, (независимо отъ произведенныхъ на нее затратъ), ни въ какомъ случаѣ не должна быть исчислена въ размѣрѣ свыше двойной покупной цѣны, уплаченной за нее. (l. un C. de sententiis quae pro eo 7. 47).

Намъ приходилось уже указывать на то, что такой широкой размѣръ отвѣтственности продавца предъ покупателемъ въ качествѣ общей законной нормы отнюдь не оправдывается соображеніями справедливости, и происхожденіе его можетъ быть объяснено лишь особыми историческими условіями, въ какія была поставлена римская торговля. Дѣйствительно, обѣ стороны одинаково заинтересованы въ заключеніи сдѣлки, — обѣ въ доброй вѣрѣ, — гдѣ же основаніе, по которому рискъ долженъ пасть исключительно на продавца?

II. Во вниманіе къ этому нѣкоторыя современные кодификаціи стремятся къ ограниченію отвѣтственности продавца, ставя размѣръ ея въ зависимость отъ степени вины его.

При этомъ нельзя не подчеркнуть, что такая тенденція проявляется и въ законодательствахъ, которыя (какъ напр. прусское) уже значительно ограничили размѣръ отвѣтственности продавца черезъ введеніе Lösungsanspruch.

а) Такъ, Прусское земское право гласитъ:

ч. I тит. 11 § 154. Если ничего не было условлено, и покупатель въ качествѣ добросо-

вѣстнаго владѣльца получаетъ за отнятую вещь отъ третьяго лица вознагражденіе за покупную плату и за затраты на вещь, — то онъ по этому поводу не можетъ предъявить притязанія противъ иетца (тит. 15, § 25 и сл.);

тамъ-же, § 155. Напротивъ, продавецъ отвѣчаетъ лишь, смотря по степени своей вины (*nach Verhältniss seiner obwaltenden Verschuldung*), предъ покупщикомъ за понесенный симъ послѣднимъ, быть можетъ, сверхъ того, дѣйствительный убытокъ (*wirklichen Schaden*). — Ср. § 156—163.

Выраженіе „*wirklicher Schade*“ обыкновенно понимается въ томъ смыслѣ, что при отсутствіи *dolus* и *culpa lata* добросовѣстный продавецъ отвѣчаетъ лишь за *damnum emergens*, но не за *lucrum cessans*.

Ср. Дерибургъ, *Lehrb. d. Pr. Pr. R.* изд. 4 т. II § 149, стр. 409—410, въ особ. примѣч. 4-ое.

Возможно впрочемъ, еще и другое толкованіе ст. 155, какъ намъ кажется, ближе подходящее къ идеѣ законодателя, именно: по смыслу выраженія „*nach Verhältniss seiner obwaltenden Verschuldung*“ слѣдовало бы различать два случая:

а) при полномъ отсутствіи какой бы то ни было вины со стороны продавца, онъ отвѣчаетъ только за одинъ прямой убытокъ, постигшій покупателя влѣдствіе эвикціи, конечно лишь постольку, поскольку самъ собственникъ не обязанъ вознаграждать покупателя при

эвикціи; б) при наличности *culpa levis* продавецъ отвѣчаетъ за весь *damnum emergens*, но не за *lucrum cessans*.

Сходно съ положеніемъ Прусскаго права соотвѣтствующее постановленіе Австрійскаго гражданскаго уложенія, (которое соединяетъ вопросъ объ отвѣтственности продавца за эвикцію съ вопросомъ объ отвѣтственности его за недостатки вещи):

§ 932. Если обосновывающій отвѣтственность недостатокъ такого рода, что онъ не можетъ уже быть устраненъ и препятствуетъ нормальному пользованію вещью, то потерпѣвшій можетъ требовать полнаго уничтоженія договора, если же недостающее можетъ быть восполнено, напр. по количеству или вѣсу (*nach Mass oder Gewicht*), то онъ можетъ требовать только соотвѣтствующаго восполненія: въ обоихъ случаяхъ онъ можетъ требовать и вознагражденія за дальнѣйшій убытокъ (*Ersatz des weiteren Schadens*), а если противная сторона поступила нечестно, то и за упущенную выгоду.

б) Наиболѣе точна формулировка Швейцарскаго Обязательственнаго Права.

§ 241. Если эвикція, за которую приходится отвѣчать продавцу, полная, то договоръ купли продажи считается расторгнутымъ и покущикъ имѣетъ право требовать:

- 1) возврата покупной платы съ процентами за вычетомъ извлеченныхъ имъ или неизвлеченныхъ лишь по нерадѣнію плодовъ и прочихъ выгодъ;
- 2) возмѣщенія произведенныхъ имъ на вещь

затратъ, поскольку таковое не падаетъ на управомоченнаго третьяго;

3) возмѣщенія всѣхъ причиненныхъ процессомъ судебныхъ и внѣсудебныхъ издержекъ, поскольку онѣ не вызваны необъявленіемъ о спорѣ;

4) возмѣщенія остальнаго непосредственнаго убытка, причиненнаго эвикціей.

Если имѣется на лицо вина продавца, то онъ по ст. 116 обязанъ отвѣчать и за дальнѣйшій убытокъ.

И такъ, по Швейцарскому закону добросовѣстный продавецъ отвѣчаетъ лишь за непосредственный убытокъ отъ эвикціи.

Такое распредѣленіе риска между сторонами, по которому продавецъ несетъ отвѣтственность за прямой убытокъ отъ эвикціи, (поскольку эта отвѣтственность не падаетъ на собственника вещи), а покупательъ — рискъ за косвенный убытокъ, — не можетъ не быть признано болѣе справедливымъ, чѣмъ суровое римское начало. Дѣйствительно, при такихъ условіяхъ въ основаніи распредѣленія риска лежитъ правило: *cujus com- modum, ejus periculum*: интересъ продавца въ сдѣлкѣ не идетъ дальше самой продажи вещи покупщику, — онъ и отвѣчаетъ въ соответствующей степени, т. е. за прямой убытокъ отъ эвикціи; дальнѣйшая судьба проданной вещи, тѣ операціи, которыя намѣренъ совершить съ нею покупательъ, не интересуютъ продавца, онъ отъ нихъ не можетъ ожидать никакой пользы, никакого *commodum* для себя; рискъ за нихъ всецѣло долженъ пасть на покупщика, который получаетъ и выгоду отъ переотчужденія вещи.

Въ заключеніе нельзя не указать на аналогію, какую представляетъ въ этомъ отношеніи отвѣтственность перевозчика по фрахтовому договору, — по общему правилу, онъ тоже отвѣчаетъ за одинъ непосредственный убытокъ отъ порчи, недоставки и пр. груза.

Ср. напр. Герм. Торг. Ул. § 395—400 (въ особ. § 396).

Швейц. Обязат. Пр. § 457.

Очевидно, соображенія, по которымъ въ послѣднемъ случаѣ признано желательнымъ ограниченіе отвѣтственности перевозчика, сходны съ соображеніями, приведшими къ ограниченію отвѣтственности продавца *ex evictione*: обѣ стороны вольны вступать или не вступать въ договоръ, обѣ одинаково заинтересованы въ заключеніи его, обѣ знаютъ или должны знать, что всякое соглашеніе, даже при наличности *optima fides* противной стороны, сопряжено съ извѣстнымъ рискомъ, обѣ поэтому должны нести опредѣленную долю риска. Разграниченіе же риска между сторонами само собою приводитъ къ тому, что сторона, служащая лишь посредствующей инстанціей по передачѣ вещи, несетъ рискъ за прямой убытокъ, а сторона, въ окончательное распоряженіе которой поступаетъ вещь, — рискъ за косвенный убытокъ. (Ср. Герм. Т. Ул. § 345).

III. Нельзя не замѣтить, что ограниченіе отвѣтственности добросовѣстнаго продавца *ex evictione* не составляетъ общепризнаннаго начала современнаго права.

Такъ, Французское право — Code Civ. § 1630 и Саксонское Уложеніе — § 941 — стоятъ на римской точкѣ зрѣнія.

То-же слѣдуетъ сказать о новомъ проектѣ германскаго уложенія.

§ 377. Если право третьяго успѣшно осуществлено, то пріобрѣтатель можетъ предъявить искъ объ убыткахъ противъ отчуждающаго ввиду неисполненія.

При оцѣнкѣ убытка рѣшающее значеніе имѣетъ тотъ моментъ, въ который право третьяго было успѣшно осуществлено.

Въ Мотивахъ къ проекту (т. II стр. 220) рецепція римскаго начала мотивируется слѣдующимъ образомъ:

„Въ Прусскомъ земскомъ правѣ I, 11 § 154 и слѣд., I, 5 § 323, въ Австрійскомъ уложеніи § 932, въ Швейцарскомъ союзномъ законѣ § 241 и въ Баварскомъ проектѣ § 309 притязаніе пріобрѣтателя противъ отчуждающаго нормируется различно, смотря по винѣ послѣдняго и по степени его вины. Въ проектѣ подобное ограниченіе отвѣтственности отчуждающаго не могло найти себѣ мѣста. На основаніи принципа доставленія (*Verschaffungsprinzip*) отчуждающей согласно общимъ началамъ отвѣтственности должника за существующую съ самаго начала субъективную невозможность исполненія (*für das anfängliche subjective Unvermögen*) обязанъ вознаградить за весь убытокъ независимо отъ всякой вины; ограниченіе этой отвѣтственности было бы непослѣдовательно и противно основному принципу (*inconsequent und principwidrig*).“

При такой аргументации остается открытымъ вопросъ о томъ, насколько правиленъ самый принципъ, согласно съ которымъ принято начало неограниченной отвѣтственности отчуждающаго за убытокъ отъ эвикціи.

Между тѣмъ, доказать практическую целесообразность этого принципа представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что цѣлый рядъ законодательствъ допустилъ уклоненія отъ него. Ближайшій разборъ этого вопроса, быть можетъ, заставилъ бы составителей проекта усумниться въ практичности безусловной рецепціи римскаго начала.

На римской точкѣ зрѣнія стоитъ и Сводъ мѣстн. уз. губ. остз., т. III, ст. 3234—3240.

Ст. 3234. Въ случаѣ эвикціи вещи, тотъ, къ кому она была отчуждена, долженъ въполнѣ вознаградить всѣ понесенныя чрезъ то пріобрѣтателемъ убытки, включая сюда тяжёбныя издержки и употребленныя на самую вещь расходы, развѣ бы сіи послѣдніе были уже возвращены тѣмъ, кому она присуждена.

См. 3235. Если цѣнность отсужденной вещи осталась совершенно неизмѣнною, то отчуждатель обязанъ возратить, сверхъ тяжёбныхъ издержекъ, лишь полученную имъ за вещь уплату. Въ противномъ случаѣ пріимается въ расчетъ стоимость, которую вещь имѣла во время эвикціи, съ тѣмъ однако, что пріобрѣтатель ни въ какомъ случаѣ не получаетъ болѣе тѣмъ вдвое противъ заплаченной имъ суммы.

Х. т. ч. 1 Св. З. Гр. касается вопроса объ отвѣтственности продавца за эвикцію лишь мимоходомъ, по

частному случаю: ст. 1427 говоритъ, что въ числѣ произвольныхъ условій, какія можетъ содержать купчая крѣпость, первое есть условіе объ очисткахъ; на основаніи его продавецъ принимаетъ на себя обязанность „очищать покупателя отъ всѣхъ въ то имущество вступщиковъ и не доводить до убытковъ, съ удостовѣреніемъ заплатить оныя покупщику, буде таковыя для него произойдутъ.“

Ср. Побѣдоносцевъ, Курсъ гражд. пр. т. I § 40.

IV. Мы указали двѣ стадіи развитія института эвикціи: первоначально продавецъ отвѣчаетъ за весь убытокъ отъ эвикціи (прототипъ — Римское право); затѣмъ добросовѣтный продавецъ отвѣчаетъ только за одинъ непосредственный убытокъ отъ эвикціи (прототипъ — Швейцарское Обязательственное Право). — Дальнѣйшій шагъ состоитъ въ полномъ освобожденіи добросовѣтнаго продавца отъ всякой отвѣтственности за эвикцію, (разъ она имъ не принята на себя по особому условію). Этотъ шагъ не можетъ считаться достигнутымъ пока ни однимъ законодательствомъ, но достиженіе его облегчено возложеніемъ на собственника обязанности вознаградитъ добросовѣтнаго владѣльца — покупателя не только за важнѣйшія затраты, но и за уплаченную за вещь цѣну, такъ какъ этимъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ покрывается непосредственный убытокъ послѣдняго. Намѣченная нами цѣль очевидно будетъ вполне достигнута, разъ искъ о собственности окончательно превратится въ чистый искъ объ обогащеніи, т. е. разъ добросовѣтный владѣлецъ будетъ отвѣчать въ размѣрѣ не свыше наличнаго своего обогащенія.

Результатъ, къ которому мы пришли, вполне объясняется самымъ характеромъ института эвикціи какъ косвенной формы защиты интересовъ добросовѣстнаго владѣнія: такая косвенная форма защиты (отвѣтственность аuctor'a за эвикцію) становится излишней, разъ существуетъ прямая форма защиты этихъ интересовъ (вознагражденіе со стороны собственника). Насколько важно достиженіе этого результата для интересовъ оборота, ясно само собою: обезпеченіе интересовъ добросовѣстнаго владѣнія (оно же добросовѣстное пріобрѣтеніе чужихъ вещей) приводитъ и къ обезпеченію интересовъ добросовѣстнаго отчужденія чужихъ вещей.

Нельзя не замѣтить въ заключеніе, что ограниченіе отвѣтственности продавца влучаѣ эвикціи проданной вещи само по себѣ ограждаетъ его интересы на тотъ лишь случай, когда съ его стороны договоръ купли-продажи уже приведенъ въ исполненіе, т. е. когда проданная вещь уже передана покупщику.

Для полнаго обезпеченія его интересовъ необходимо очевидно соотвѣтствующее же ограниченіе самой обязанности его по исполненію договора: разъ проданная вещь отсуждается до передачи ея покупщику, добросовѣстный продавецъ (онъ же въ данномъ случаѣ и добросовѣстный владѣлецъ) долженъ считаться свободнымъ отъ принятой имъ на себя обязанности, такъ какъ исполненіе договора стало невозможно по внѣшнему, независящему отъ продавца обстоятельству; этимъ конечно не исключается его обязанность къ возврату полученнаго эквивалента. Не допуская такого ограниченія

отвѣтственности продавца по исполненію договора при одновременномъ допущеніи ограниченія отвѣтственности его вслучаѣ эвикціи вещи, мы пришли бы къ странному результату, что продавецъ при совершенно одинаковыхъ условіяхъ отвѣчаетъ въ различной степени предъ покупателемъ до и послѣ передачи проданной вещи.

Въ частности, Прусское земское право не содержитъ прямого постановленія на этотъ счетъ. Однако, ограниченіе отвѣтственности продавца предъ покупателемъ по исполненію заключеннаго между ними договора косвенно вытекаетъ изъ постановленія, содержащагося въ ч. I т. 11 § 19, въ связи съ постановленіями закона объ отвѣтственности продавца за эвикцію.

На основаніи приведенной статьи „для заключенія дѣйствительной купли-продажи требуется, чтобъ продавецъ имѣлъ право уступить собственность на вещь (über das Eigenthum der Sache zu verfügen berechtigt).“ — Отсюда слѣдуетъ, что въ противномъ случаѣ купля-продажа недействительна, а слѣдовательно, при отеутетви culpa in contrahendo, продавецъ освобожденъ отъ всякой отвѣтственности.

Ср. Дербургъ, ук. соч. т. II § 134 стр. 358, примѣч. 26.

Для Швейцарскаго Обязательственнаго права то-же слѣдуетъ изъ сопоставленія ст. 110 и 241.

Ст. 110 гласитъ:

Если обязательство невозможно исполнить вовсе или невозможно исполнить его надлежащимъ образомъ, то должникъ обязанъ вознаградить за убытокъ, если только онъ не докажетъ, что съ его стороны не было вины.

Оглавление.

Предисловіе	стр. 3
-----------------------	--------

І.

Природа и юридическое значеніе обогащенія.

Глава І. Обогащеніе какъ экономическое явленіе.	9—26
§ 1. Опредѣленіе и главные виды обогащенія	9
§ 2. Возникновеніе обогащенія	12
§ 3. Соотношеніе между размѣромъ обогащенія даннаго лица съ одной стороны, цѣнностью объекта обогащенія и размѣромъ убытка потерпѣвшаго лица съ другой стороны	15
§ 4. Предѣль обогащенія одного лица на счетъ другаго	19
§ 5. Наличное обогащеніе. Исчисленіе его	21
§ 6. Итоги	25
Глава ІІ. Юридическое значеніе обогащенія	26—53
§ 7. Общій обзоръ	26
§ 8. Критеріи отъемлемости обогащенія	31
§ 9. Второстепенное и самостоятельное значеніе обогащенія	37
§ 10. Продолженіе	45

II

Главные моменты въ исторіи развитія отвѣтственности
добросовѣстнаго владѣльца предъ собственникомъ.

	стр.
Глава I. Римское право	58—77
§ 11. Первоначальная область дѣйствія виндикаціи	58
§ 12. Дальнѣйшее развитіе	64
§ 13. Связь между виндикаціей и институтомъ отвѣтственности за эвикцію	69
§ 14. Результаты. Причины своеобразнаго развитія <i>hereditatis petitionis</i>	74
Глава II. Современныя кодификаціи	77—104
§ 15. Общія замѣчанія	77
§ 16. Ограниченіе области примѣненія виндикаціи	79
§ 17. Ограниченіе объема виндикаціи противъ добросовѣстнаго владѣльца (постепенный переходъ этого пска въ пскъ объ обогащеніи)	87
§ 18. Ограниченіе отвѣтственности продавца <i>ex evictione</i>	93

О П Е Ч А Т К И.

Страница :	Строка :	Напечатано :	Читать :
23	5 св.	привычные	обычные
24	10 сн.	жертвуетъ	жертвуетъ
—	5 сн.	цѣнною	цѣною
29	13 св.	лишь	лишь
33	14 сн.	отношеніе къ дѣлу закона	отношеніе закона къ дѣлу
—	7 сн.	обдуманы	обдуманны
61	12 св.	искусственная	искусственна
88	4 св.	очередь	очередь
95 ₁	13 сн.	исключительно	исключительно
